

Девушка из замка

Моему дорогому другу Тиму Келли, без рекомендаций и поддержки которого я бы никогда не осмелилась написать эту книгу.

Is mise Peig Ni Laoghaire. A Tiarna Deverill, dhein tú éagóir orm agus ar mo shliocht trín ár dtalamh a thógáil agus ár spiorad a bhriseadh. Go dtí go gceartaíonn tú na h-éagóracha siúd, cuirim malacht ort féin agus d-oidhrí, I dtreo is go mbí sibh gan suaimhneas síoraí I ndomhan na n-anmharbh.

Я, Мэгги О'Лири. Лорд Деверилл, вы причинили зло мне и моим потомкам, отняли нашу землю и сломили наш дух. Я накладываю на вас и ваших отпрысков проклятие до тех пор, пока вы не искупите несправедные деяния свои. Не обрести вам покоя ни в жизни, ни после смерти, до момента, пока не исправите содеянное вами.

Мэгги О'Лири, 1662

Пролог

Корк, графство Корк, Ирландия, 1925

Два маленьких чумазных мальчика с ободранными коленками подошли к ржавым

железным воротам. Ребятишки пробрались сюда по едва различимой тропке, что сворачивала от главной дороги и, лениво петляя, шла через лес. По другую сторону ворот, скрытые плотной стеной деревьев, лежали обугленные развалины замка Деверилл. Когда-то этот замок был домом одного из благороднейших англо-ирландских семейств графства. К несчастью, три года назад его полностью уничтожил пожар. Каменная стена, опоясывавшая имение, кое-где обвалилась из-за отсутствия должного ухода, свирепых зимних ветров и леса, наступавшего на заброшенные развалины. Мох полностью покрывал ее, сорняки, щедро рассыпая семена, хаотично разрослись повсюду, поверх стены проросла трава, напоминаясь ключья волос, и плющ, тянувший свои зеленые усики по камням, покрывал огромные участки, поэтому почти ничего не было видно. Мальчишки не обратили внимания на большой знак, что предупреждал о расплате, ожидающей возможных нарушителей, которые вознамеривались вторгнуться в чужие владения, не увидели они и темную подъездную дорожку впереди. Ее устилала прелая листва, сухие ветки и грязь, уже несколько лет здесь никто ничего не убирал. Огромный навесной замок тихо лязгнул о ржавую цепь, когда мальчишки толкнули ворота и проскользнули внутрь.

По ту сторону стоял лес, в нем было тихо и

сыро после дождя. Лето закончилось, осень же принесла с собой ледяные ветра и холодные ливни. Когда-то подъездную дорожку окаймляли кусты красных рододендронов. Но теперь их почти не было видно из-за густых зарослей злой крапивы, пышного папоротника и разросшейся кальмии. Мальчишки бежали мимо, не замечая этой чащи, в свое время являвшейся украшением подъездного пути, и не представляя себе, что по нему некогда двигались роскошные экипажи представителей высшего света, направлявшихся к величественному замку, стоящему над морем. Теперь въезд превратился в едва заметную узкую грунтовую тропку, а сам замок лежал в руинах. Только вороны и голуби решились облюбовать их, да два бесстрашных сорванца мечтали найти тут захватывающие приключения, уверенные, что никто не обнаружит их в этом Богом забытом месте.

Дети наперегонки бежали сквозь дикое разнотравье, спеша поиграть среди останков величественных в былое время залов. Широкая парадная лестница давно обвалилась, рухнул и центральный дымоход, разрушив крышу, и теперь взору сорванцов предстала лишь груда кирпичей, по которой можно было взобраться на второй этаж. В западном крыле часть кровли сохранилась только в виде крепких балок, что служили распорками для

двух уцелевших стен и напоминали вскрытую грудную клетку какого-то гигантского зверя, оставленного разлагаться под открытым небом.

Мальчики чересчур увлеклись собственными желаниями, поэтому не могли почувствовать печаль, разлитую над этим местом или услышать жалобное эхо прошлого. Они были слишком малы, чтобы испытывать ностальгию и меланхолию, осознавать намеки на бренность бытия. Призраки, обитавшие тут, оплакивали утрату своего дома — и своих жизней, подобные ветру, дующему с моря. Ребята слышали, как он завывает в пустых, словно глазницы черепа, окнах, как свистит в чудом уцелевших частях дымохода, и обоих охватывала исключительно восторженная дрожь, ведь необъяснимый страх лишь усиливал удовольствие, гордость за собственную безрассудную смелость. А на привидения мальчики и вовсе не обращали никакого внимания.

Над входной дверью один из сорванцов смог разобрать латинские буквы, потускневшие от копоти, наполовину скрытые за обугленной притолокой.

— «Castellum Deverilli est suum regnum 1662», — прочитал он вслух.

— Что это значит? — спросил мальчонка помладше.

— Все вокруг знают. «Замок Деверилл — его царство».

Младший рассмеялся.

— Теперь это на царство не похоже, — сказал он.

Они переходили из комнаты в комнату в свете угасающего дня, как пара ежей, роясь в полу, там, где земля была помягче, с надеждой найти что-то интересное. Их негромкие голоса смешивались с карканьем воронов и воркованием голубей, и призраки милостиво утихли, вспомнив собственное детство, игры в пышных садах замка. Только тогда он высился во всем своем великолепии.

На рубеже веков поместье было обнесено высокой стеной, за которой созревало множество разных фруктов и овощей, необходимых, чтобы накормить обитателей замка, семейство Деверилл, а также их слуг. Там был розовый сад, дендрарий и лабиринт, где отпрыски рода неоднократно терялись сами и теряли друг друга среди тисовых изгородей. Здесь располагались замысловатые теплицы, а помидоры в них росли среди орхидей и смоковниц, желтые первоцветы сверкали каплями летнего солнца на лугах, где обитательницы замка любили устраивать пикники, вечерами слышался смех и тихие разговоры. Тогда луга были райским местом, сейчас же они заросли сорняками. Несмотря на солнце, сад становился все тенистее и

темнее, год за годом вьюнок разрастался и медленно душил его. Ничего не осталось от бывшей красоты, лишь некое суровое величие руин, поражающее своей трагичностью.

Услышав дребезжащий звук мотора автомобиля, мальчики перестали копать. Шум усиливался, машина приближалась по заросшей подъездной дорожке. Мальчишки недоуменно уставились друг на друга и суетливо бросились к передней части замка, а затем с интересом выглянули сквозь лишенное стеклом окно. Они увидели, как блестящий «Форд-Т» подъехал к замку и замер у ступеней, ведущих к тому месту, где прежде была входная дверь.

Снедаемые любопытством, мальчики толкали друг друга локтями, стараясь лучше рассмотреть автомобиль и при этом остаться незамеченными. У сорванцов отвисли челюсти при виде плавно изогнутых линий кузова с мягким откидным верхом. Солнце отражалось в глянцевом зеленом капоте, а блестящие серебристые фары сверкали, круглые, как глаза лягушки. В этот момент дверца водителя открылась, из машины вышел мужчина в коричневой фетровой шляпе и элегантном верблюжьем пальто. Он окинул взглядом замок, стараясь оценить увиденное. Покачал головой и скривился, как будто признавая масштабы трагедии, что уничтожила столь красивое строение.

Затем обошел машину, приблизился к пассажирской дверце и открыл ее.

Мужчина протянул руку. Из машины показалась кисть в изящной черной перчатке, чтобы принять предложенную помощь. Мальчики затаив дыхание замерли. Если бы не смуглые лица и черные волосы, их можно было бы принять за пару статуй проказливых херувимов. Со все возрастающим интересом они наблюдали, как из автомобиля показалась какая-то женщина. На ней было элегантное платье глубокого изумрудного цвета, длинное черное пальто и черная шляпка-колокол, низко надвинутая на лицо. Под головным убором можно было разглядеть лишь алые губы, контрастировавшие с удивительно белой кожей лица. На правом плече сверкала большая бриллиантовая брошь. Мальчики удивленно тарасились на женщину. Казалось, она пришла из другого мира, представители которого когда-то и жили в этом роскошном замке, еще до того, как пламя уничтожило его.

Женщина приблизилась к черным стенам и подняла голову вверх. Потом, взяв мужчину за руку, повернулась к нему лицом.

— Бог свидетель, — сказала она, и мальчики напрягли слух, чтобы ничего не пропустить, — я восстановлю этот замок.

Она умолкла, но мужчина не шелохнулся,

чтобы поторопить ее. Женщина обернулась и снова посмотрела на стены разрушенного строения. Челюсти ее упрямо сжались.

— В конце концов, я имею на него такое же право, как и любой другой.

Часть 1

Глава 1

Корк, графство Корк, Ирландия, 1910

Китти Деверилл было девять лет. Для других детей, появившихся на свет в иные дни, десятилетие не имело особого значения. Но для Китти, родившейся на девятый день девятого месяца в 1900 году, это стало весьма знаменательным событием. Однако вовсе не мать, красивая и самовлюбленная Мод, вложила подобную идею в голову ребенка; Мод не особо интересовалась Китти. Она имела еще двух дочерей, которые вскоре должны были достичь совершеннолетия, и любимого сына, обучавшегося в Итоне, что был для нее светом очей. За пять лет между рождением Гарри и Китти у Мод случилось три выкидыша, причиной которых стали скачки верхом на лошади по холмам вокруг Баллинакилла.

Мод не собиралась отказывать себе в излюбленных развлечениях из-за нежеланной беременности. Однако никакие лихие скачки не помешали ей выносить четвертого ребенка. Вопреки ожиданиям, этот младенец оказался слабой пищущей девочкой с рыжими волосами и прозрачной кожей, и она больше напоминала тощего котенка, нежели человеческое дитя. Отвернувшись с отвращением, Мод отказалась признавать ее. Мать и в самом деле совершенно отвергла своего ребенка, не разрешила друзьям наносить визиты, надела костюм для верховой езды и отправилась на охоту — словно родов и вовсе не было. Для женщины, настолько упивающейся собственной красотой, уродливый младенец стал оскорблением. Нет, Мод никогда не вложила бы в детскую головку идеи о том, что Китти хоть в чем-то особенная.

Это сделала ее бабушка по отцу, Аделина, леди Деверилл. Именно она сказала, что 1900 год был благоприятным и дата ее рождения тоже примечательна, поскольку содержит так много девяток. Китти — ребенок Марса, не раз напоминала ей Аделина, когда они сидели вместе в личной гостиной бабушки на первом этаже, одной из немногих комнат замка, где всегда было тепло. Это означало, что в ее жизни определяющую роль будет играть конфликт — боги сдали ей на руки весьма противоречивые карты, словно зная

наверняка, что Китти сможет принять вызов, ей хватит на это мужества и мудрости. Аделина многое рассказывала внучке, и Китти всегда предпочитала ее сказки об ангелах и демонах тем скучным историям, что читала ей гувернантка из Шотландии, и даже болтовне кухонной прислуги. Женщины в основном обсуждали местные сплетни, а девочка была еще слишком мала, чтобы понять их. Аделина Деверилл знала о «всяком таком». О том, что заставляло деда Китти закатывать глаза и отмахиваться, называя это чушью. Отец же Китти над подобными байками лишь добродушно посмеивался. Однако такие разговоры изрядно беспокоили ее мать. Мод Деверилл не забавляла болтовня о духах, каменных ведьминых кругах и проклятьях, поэтому она приказала мисс Грив, шотландской гувернантке Китти, наказывать девочку, если та будет проявлять излишний интерес или ударится в отвратительные, как она считала, деревенские суеверия. Мисс Грив, издавая сквозь сжатые губы скупые восклицания, с видимым удовольствием хлестала ладошки Китти стеклом. Поэтому девочка научилась быть скрытной. Она выросла хитрой, проявляя заинтересованность только рядом с Аделиной, в ее уютной теплой комнате, где всегда пахло торфом и сиренью.

Китти не жила в замке: там обитали ее дедушка и бабушка. Когда-нибудь в будущем его

вместе с титулом лорда Деверилла должен был унаследовать ее отец. Этот титул восходил еще к семнадцатому веку. Китти жила в поместье, в старом Хантинг-Лодж, «охотничьем доме», расположенном на берегу реки, в нескольких минутах ходьбы от замка. Мать не обращала на нее внимания, поэтому девочка, которой удавалось легко обхитрить свою гувернантку, могла свободно бегать по саду и всей округе, играть с местными детьми-католиками. Если бы мать узнала об этом, у нее приключился бы нервный срыв и она неделю пролежала бы в своей комнате, пытаясь прийти в себя. В целом же Мод часто бывала настолько чем-то занята, что, казалось, вовсе забывала о своем четвертом ребенке. Она даже сердилась, когда мисс Грив напоминала ей об этом.

Самым большим другом и союзником Китти была Брайди, черноволосая дочь кухарки леди Деверилл, миссис Дойл. Девочки родились в один и тот же год с разницей всего в месяц, и Китти считала, что они «сестры по духу» из-за близости дат рождения и того, что обе в основном обитали в замке Деверилл. Брайди обычно помогала маме на кухне, чистила картофель или мыла посуду, а Китти слонялась вокруг большого деревянного стола и время от времени таскала морковку, когда миссис Дойл отворачивалась. Пусть у них и разные родители, объясняла Китти подруге, но их души

связаны навечно. Там, под телесной оболочкой, скрываются существа из света, и между ними нет большой разницы. Брайди, благодарная Китти за дружбу, безоговорочно верила приятельнице.

Имея нестандартные взгляды на мир, Аделина с радостью закрывала глаза на то, что девочки играли вместе. Она любила свою странную маленькую внучку, так походившую на нее саму. В Китти Аделина нашла союзницу, которая высмеивала идеи о существовании фей, но трепетала при упоминании призраков, между тем утверждая, будто не верит в них. Она не сомневалась: души обретают физические тела, дабы жить на земле и усвоить важные уроки для своего духовного развития. Таким образом, положение в обществе и богатство человека — всего лишь своего рода облачение, необходимое, чтобы исполнять ту роль, которую некто играет. Истинной же ценности это положение и зажиточность не имеют. По мнению Аделины, бродяга был так же ценен, как и король, поэтому она относилась ко всем людям с одинаковым уважением. «Что плохого в том, что Китти и Брайди наслаждаются обществом друг друга?» — спрашивала она себя. Сестры Китти слишком взрослые, чтобы играть с ней, а Силия, ее английская кузина, приезжает в гости только летом, так что бедному ребенку дружить не с кем. Не будь Брайди, Китти увлеклась

бы бреднями о лепреконах и гоблинах и была бы навсегда потеряна для нее.

Одна история очаровывала девочку больше всех остальных: проклятие Бартон Деверилла. Вся семья знала, но никто кроме Аделины и самой Китти не верил в него. Они же не просто верили, они *знали*, что это правда. Это знание связывало бабушку и внуку прочно и бесповоротно, ведь Аделина обладала даром, о котором она никогда никому не говорила — даже мужу, и малышка Китти унаследовала этот дар.

— Давай я расскажу тебе о проклятии Бартон Деверилла, — сказала как-то Китти своей подруге Брайди зимним субботним вечером, когда они при свете свечи сидели в своем укромном уголке под черной лестницей.

Этот уголок представлял собой старый шкаф, стоявший на половине прислуги замка. Огонь осветил бледное лицо Китти, так что ее большие серые глаза казались странно старыми, будто у какой-нибудь ведьмы. Брайди почувствовала, как по коже пробежали мурашки, словно от страха. Она слышала, что ее мать рассказывала о банши¹ и ее

¹ Банши — персонаж ирландского фольклора, женщина, которая, согласно поверьям, является возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок. (Здесь и

воплях, которые считаются предвестниками смерти.

— Кто такой Бартон Деверилл? — спросила Брайди с милым певучим ирландским акцентом, разительно отличавшимся от отрывистых английских гласных Китти.

— Он являлся первым лордом Девериллом, именно Бартон построил этот замок, — ответила Китти, понизив голос для пущей драматичности. — Он был настоящим дикарем.

— Что он сделал?

— Захватил землю, не принадлежавшую ему, и построил на ней замок.

— Чья же это была земля?

— О'Лири.

— О'Лири? — Черные глаза Брайди расширились, и на щеках вспыхнул румянец. — Ты имеешь в виду *нашего* Джека О'Лири?

— Того самого. Говорю тебе, Девериллы и О'Лири не просто так недолюбливают друг друга.

— А что случилось?

— Бартон Деверилл, мой предок, являлся сторонником короля Англии Карла I. Когда его армии были разгромлены Кромвелем, он убежал во Францию вместе с королем. Позже, после коронации Карла II, новый король наградил

Бартона за его верность, пожаловал ему титул и эти земли, где тот и построил замок. Отсюда и девиз семьи: «Замок Деверилл — его царство». Беда в том, что те земли не принадлежали королю, они являлись собственностью семьи О'Лири. Так что, когда их заставили уйти, старая Мэгги О'Лири, которая была ведьмой...

Брайди нервно рассмеялась.

— Она же на самом деле не была ведьмой!

Китти очень серьезно произнесла:

— Была. У нее имелись котел и черная кошка, способная превратить человека в камень одним взглядом больших зеленых глаз.

— То, что у нее были котел и кошка, еще не значит, что она ведьма, — возразила Брайди.

— Мэгги О'Лири была ведьмой, и все это знали. Она наложила проклятие на Бартона Деверилла.

Смех застрял в горле Брайди.

— А что говорилось в том проклятии?

— Что Бартон Деверилл и каждый наследник по мужской линии после него никогда не покинут замок Деверилл, но останутся между тем светом и этим, пока О'Лири не возвратят себе свои земли. Это очень несправедливо, потому что дедушке и отцу придется бродить здесь в виде призраков, возможно, вечно. Бабушка говорит, весьма маловероятно, что какой-то из Девериллов

когда-нибудь женится на ком-то из рода О'Лири!

— Кто знает? Они выбились в люди с тех пор, — услужливо напомнила Брайди, думая о Джеке О'Лири, чей отец был местным ветеринаром.

— Нет, они все обречены, даже мой брат Гарри, — вздохнула Китти. — Никто из них не верит в это, но я верю. Мне очень грустно оттого, что я знаю об их участи.

— Так ты говоришь, Бартон Деверилл все еще здесь? — уточнила Брайди.

Глаза Китти расширились.

— Он все еще здесь, и ему это не нравится.

— Ну, в действительности ты же не веришь в такие рассказы, ведь так?

— Я это *знаю*, — многозначительно произнесла Китти. — Я его *вижу*. — Она прикусила губу, понимая, что сболтнула лишнее.

Теперь Брайди по-настоящему стало интересно. Девочка знала, что ее подруга не обманщица.

— Как ты можешь его увидеть, если он призрак?

Китти наклонилась вперед и прошептала:

— Потому что я вижу мертвых.

Огонек свечи пугающе замигал, словно подтверждая ее слова, и Брайди вздрогнула.

— Ты можешь видеть мертвых?

— Могу и вижу. Все время.

— Ты никогда раньше не говорила мне.

— Потому что я не знала, могу ли тебе доверять.

— А какие они, мертвые?

— Прозрачные. Одни светлые, другие темные.

Некоторые из них добры ко мне, а кто-то — нет, — пожалала плечами Китти. — Бартон Деверилл довольно темный. Я не думаю, что при жизни он был очень хорошим человеком.

— Разве тебя это не пугает?

— Раньше пугало, пока бабушка ни научила меня не бояться. Она тоже их видит. Она говорит, что это дар. Но мне не разрешают болтать об этом. — Китти непроизвольно потеряла ладонь большим пальцем.

— Они запрут тебя куда подальше, — сказала Брайди, и ее голос дрогнул. — Они всегда так делают, разве ты не знаешь? Многих запирают и за гораздо меньшие проступки. Вот отправят в Корк — и поминай как звали!

— Тогда лучше не говори никому.

— О, я никому не скажу.

Лицо Китти просветлело.

— А хочешь увидеть призрака?

— Призрака?

— Бартона Деверилла.

Кровь отлила от щек Брайди.

— Не знаю...

— Идем, я вас познакомлю. — Задув свечу, Китти толкнула дверь.

Две девочки вприпрыжку поспешили по коридору. Цвет их волос различался, однако, несмотря на это, они могли быть сестрами, так как были одного роста и одинакового телосложения. Но любой заметил бы разницу в их одежде и выражении лиц. Если на Китти было белое платье, украшенное кружевами и шелковыми лентами, с завязанным на талии голубым бантом, то на Брайди — бесформенное коричневое платье из грубого колючего сукна. Китти носила высокие ботиночки на шнуровке до середины голени и толстые черные чулочки, ноги Брайди были босыми и грязными. Гувернантка Китти каждое утро причесывала ее, завязывая волосы лентами, чтобы они не лезли в лицо; за Брайди никто особо не ухаживал, и ее спутанные невымытые пряди почти достигали талии. Разнилась не только одежда девочек, но и то, как они смотрели на мир. У Китти был спокойный, высокомерный взгляд ребенка, родившегося в привилегированной семье, а у Брайди — диковатый, мрачный постоянно голодного беспризорника. Но все же Брайди отчаянно нуждалась в подруге, и данная потребность позволяла преодолевать пропасть между этими детьми. Если бы не общество

любящих бабушки и деда и периодическое внимание со стороны отца, когда он не уезжал на охоту или скачки, Китти совсем зачахла бы без любви. Именно эта жажда человеческой привязанности, тепла и уравнивала их дружбу, потому что Китти нуждалась в Брайди точно так же, как Брайди — в ней.

И ежели Китти была не в курсе этих различий, то Брайди, которая слышала бесконечные жалобы родителей и братьев на свою судьбу, прекрасно осознавала их. Тем не менее она слишком любила Китти, чтобы дать волю ревности, и была очень польщена оказанной честью, дабы рискнуть потерять ее. Она приняла позицию пассивной покорности, свойственной овцам.

Девочки слышали, как миссис Дойл недовольно ворчала на одну из служанок на кухне, но они тихо словно мышки поспешили вверх по лестнице, понимая: если их поймают, времени для игр не будет, Брайди заставят опять становиться к раковине и мыть посуду.

Никто уже много лет не поднимался в западную башню. В верхней части замка было холодно и сыро, и винтовая лестница давным-давно нуждалась в ремонте. Две деревянные ступени, сгнив, обвалились, поэтому девочкам пришлось перепрыгивать через провалы. Брайди теперь могла вздохнуть свободно, тут их уже никто не найдет.

Когда они дошли до конца лестницы, Китти толкнула тяжелую дверь и огляделась вокруг. Затем она, повернувшись к подруге, прошептала:

— Пойдем. Да не бойся. Он не причинит тебе вреда.

Сердце Брайди бешено застучало. Неужели она и в самом деле увидит призрака? Китти казалась очень уверенной. Брайди в предвкушении робко последовала в комнату за подругой. Она посмотрела на Китти. Та, глядя на грязное старое кресло, улыбалась, как будто в нем кто-то сидел. Но Брайди не видела ничего, кроме выцветшего бордового шелка. Однако в комнате было холоднее, чем в остальных частях замка. Девочка поежилась и обняла себя в попытке сохранить тепло.

— Ну, разве ты не видишь его? — спросила Китти.

— Я ничего не вижу, — ответила Брайди, которой отчаянно хотелось увидеть хоть что-то необычное.

— Но вот же он! — воскликнула Китти, указывая на кресло. — Постарайся увидеть, присмотришься!

Брайди всматривалась до тех пор, пока у нее не начали слезиться глаза.

— Я верю тебе, Китти, но не вижу ничего, кроме кресла.

Китти была явно разочарована. Она

установилась на мужчину, который хмуро восседал в кресле, закинув ноги на табурет и сложив руки на огромном животе. Девочка удивлялась тому, как такое возможно: она видит его так ясно и отчетливо, а Брайди вовсе не замечает.

— Но он прямо перед твоим носом. Это моя подруга, Брайди, — сказала Китти, обращаясь к Бартону Девериллу. — Она вас не видит.

Бартон, покачав головой, закатил глаза. Сей факт его не удивил. Он застрял в этой башне более чем на два столетия, и за все время лишь очень немногие могли его увидеть — в основном ненароком. Сначала казалось довольно забавным быть привидением, но теперь ему стало скучно, надоело наблюдать, как множество поколений Девериллов приходят и уходят, и его разочаровывали те из них, кто, подобно ему, застрял в замке в виде призраков. Его особо не впечатляла их компания, избежать которой было довольно трудно, слишком уж много разъяренных лордов Девериллов летало по коридорам замка. Башня являлась единственным местом, где он мог отдохнуть от них и праведного гнева этих призраков, ведь после смерти они внезапно обнаруживали, что проклятие Бартона Деверилла не просто семейная легенда, а непреложная истина. Если бы они могли вернуться в прошлое, то с радостью приняли бы любую О'Лири в качестве

невесты, таким образом впоследствии обеспечив себе вечный покой, освободив душу, чтобы та попала в рай. Но теперь было уже слишком поздно. Они застряли в этом мире и могли всего лишь обрушивать гневные тирады, в первую очередь на самого Бартона за то, что он построил замок на земле О'Лири.

Сейчас Бартон обратил свой пресыщенный взор на мрачную маленькую девочку, чье лицо покраснелось от возмущения, как будто это он виновен в том, что ее подруга-простолюдинка не может видеть его. Призрак, скрестив руки на груди, вздохнул. Он был не в настроении вести беседы. Тот факт, что девочка время от времени разыскивала его, не делал ее другом Бартона и не давал ей права показывать его другим, словно диковинное животное в зверинце.

Китти наблюдала, как он встал и прошел сквозь стену.

— Он ушел, — сказала она, удрученно опустив плечи.

— Куда?

— Не знаю. Он очень злой. Я бы тоже злилась, если бы застряла между мирами.

— Может, теперь вернемся назад? — Зубы Брайди громко стучали от страха.

Китти вздохнула.

— Думаю, да.

Они отправились вниз по винтовой лестнице.

— Только никому не говори, ладно?

— Да провалиться мне на этом месте! — торжественно пообещала Брайди, подумав вдруг, что у подруги просто слишком разыгралось воображение.

В недрах замка миссис Дойл мастерски взбивала шарики масла между двумя ребристыми деревянными лопастями, а тощие кухарки чистили картофель, вспенивали яйца и ощипывали кур для ужина. Сегодня леди Деверилл пригласила на него двух своих незамужних сестер, Лорел и Хейзел, которых все ласково называли «кустиками»², а кроме того, родителей Китти — Берти и Мод — и приходского священника с супругой. Раз в месяц леди Деверилл следовало приглашать на трапезу святого отца с женой. Это было и светской обязанностью, и серьезным испытанием, ведь он представлял собой человека алчного, напыщенного и склонного к бесконечным неуместным нравоучениям прямо за обеденным столом. Леди Деверилл имела невысокое мнение об этом человеке, но, будучи самой старшей дамой высшего света Баллинакилла и прихожанкой англиканской

² Имя Лорел означает «лавр», а Хейзел — «орешник». (Примеч. пер.)

церкви Ирландии, она должна была его принимать. Поэтому дала необходимые распоряжения кухарке, принесла цветы из теплицы и не без злорадства пригласила своих сестер, чтобы те отвлекали его нудной, несмолкаемой болтовней.

Увидев Брайди, миссис Дойл недовольно поджала губы.

— Брайди, что ж ты слоняешься по коридорам, когда мне нужно готовить банкет? Иди помогай. Ощипли эту куропатку. — Она протянула девочке птицу.

Брайди бросила взгляд на Китти и отправилась к другим служанкам, что сидели за большим дубовым столом посреди кухни. Миссис Дойл взглянула на стоявшую в дверях Китти, подумав, о чем же размышляет эта девочка с длинным бледным лицом и плотно сжатыми губами, уголки которых изогнуты вниз, словно она обладает некими исключительными знаниями о чем-то важном. В глазах этого ребенка было нечто такое, что пугало ее до смерти. Женщина не могла объяснить это, и она была не против того, что дети играют вместе, но все же ей казалось — ничего хорошего из их дружбы не выйдет, они вырастут, и жизнь неизбежно разведет их по разным дорогам. А когда Китти оттолкнет Брайди, у той в душе останется ощущение холода и тоскливой боли. Женщина вернулась к работе. Снова подняв голову,

она заметила, что Китти уже исчезла.

Глава 2

Внимание Китти отвлек громкий выстрел. Она на миг замерла на черной лестнице. Создалось впечатление, что выстрел прозвучал в стенах замка. За ним последовал грозный лай. Китти поспешила в холл и увидела, как три огромных коричневых волкодава ее деда выскочили из библиотеки и галопом понеслись вверх по лестнице. Ни секунды не колеблясь, девочка ринулась вслед за ними, перепрыгивая через две ступеньки. Добежав до лестничной площадки, псы помчались по коридору, буксуя на поворотах и едва не врезаясь в стены.

Китти обнаружила деда в гардеробной. Стоя у окна в привычных выцветших твидовых бриджах и куртке, он целился ружьем куда-то в сад. Старик азартно выстрелил еще раз. Выстрел канул в сырой зимний туман, застилавший лужайку.

— Чертовы паписты! — взревел дед. — Это научит вас, как посягать на мою землю! А теперь убирайтесь прочь, пока я хорошенько не прицелился и не отправил вас на тот свет раньше времени!

Китти смотрела на него в ужасе. Губерт Деверилл не впервые стрелял в католиков. Он часто конфликтовал с браконьерами и живодерами,

которые тайком пробирались на его территорию в поисках дичи, и девочка нередко подслушивала разговоры у двери библиотеки, чтобы точно знать, как он к ним относится. Она не понимала, почему ее бабушка ненавидит людей лишь за то, что те католики. Все друзья Китти были ирландскими католиками. Псы крутились у его ног. Дед убрал ружье и ласково потрепал собак по холкам. Когда старик увидел внучку, стоящую на пороге комнаты, миниатюрную копию своей супруги, неодобрительно нахмурившую брови, он с озорством ухмыльнулся.

— Привет, Китти. Дорогая, хочешь торта?

— Фруктового кекса?

— С капелькой бренди. Это пойдет тебе на пользу. Добавит твоим бледным щечкам немного румянца. — Он дернул шнур колокольчика, вызывая камердинера, который на половине прислуги в свою очередь позвонил в маленький звонок, установленный на специальной доске над именем «лорд Деверилл».

— Я от рождения бледная, бабушка, — заметила Китти, наблюдая за тем, как он, преломив ружье, повесил его на сгиб локтя, точно, как бабушка вешала свою сумочку, когда они отправлялись в Баллинакилл.

— Что там с битвой на реке Бойн? — спросил он.

Она вздохнула.

— Это было в прошлом году, дедушка. Сейчас я изучаю Великий пожар в Лондоне.

— Хорошо-хорошо, — пробормотал он, думая совсем о другом.

— Дедушка?

— Да?

— Ты любишь этот замок?

— Минус один балл за глупый вопрос, — сердито ответил Губерт.

— Я имею в виду, ты не будешь возражать, если останешься здесь на целую вечность?

— Ты о проклятии Бартона Деверилла? По-моему, твоей гувернантке следует учить тебя настоящей истории, а не сказкам и преданиям.

— Мисс Грив не учит меня преданиям. Это мне бабушка рассказывает.

— А, ну да... — пробормотал он. — Ерунда все это.

— Но ты был бы счастлив здесь, правда? Бабушка говорит, ты любишь замок больше, чем любой другой Деверилл.

— Ты же знаешь, что твоя бабушка всегда права.

— Интересно, а ты бы сильно возражал против того, чтобы жить в...

Он остановил ее прежде, чем она смогла продолжить.

— Где же, черт возьми, Скидди? Давай пойдём и поедим этот торт, пока до него не добрались мыши. Скидди!

Когда они по холодному коридору шли к лестнице, их встретил запыхавшийся мистер Скидди. Шестидесятивосьмилетний Фрэнк Скидди проработал в замке уже более пятидесяти лет, когда-то он служил прежнему лорду Девериллу. Скидди был очень худым и хилым из-за аллергии на пшеницу и слабых легких, пораженных еще в раннем детстве после перенесенной инфекции. Но идея уйти на покой казалась старому слуге просто кощунством, и он работал, невзирая на все более слабое здоровье.

— Милорд, — сказал он, увидев, как лорд Деверилл шагает к нему по ковровой дорожке в сопровождении внучки и трех собак.

— Ты становишься медлительным, Скидди. — Губерт вручил ружье камердинеру. — Это надо хорошенько почистить. В саду слишком много кроликов.

— Да, милорд, — невозмутимо ответил мистер Скидди, привыкший к эксцентричному поведению хозяина.

Лорд Деверилл шагнул вниз по парадной лестнице.

— А как насчет партии в шахматы под кекс, юная леди?

— Ой, с удовольствием! — радостно воскликнула Китти. — Я расставлю фигуры, а поиграть мы можем после чая.

— Беда в том, что ты слишком углубляешься в свое воображение. Это весьма опасное место. Твоей гувернантке следует больше занимать тебя.

— Мне не нравится мисс Грив, — сказала Китти.

— А гувернантки существуют не для того, чтобы нравиться, — строго возразил дед, словно мысль хорошо относиться к домашней воспитательнице была столь же странной, как идея любить католиков. — Их нужно просто терпеть.

— Когда же я избавлюсь от нее, дедушка?

— Когда ты найдешь себе достойного мужа. Потом придется терпеть еще и его.

Китти любила бабушку и дедушку больше, чем родителей или своих брата и сестер, потому что в обществе этих стариков она чувствовала, что ее ценят. В отличие от *Mama* и *Papa*³, они уделяли ей свое время и внимание. Когда Губерт не охотился, не рыбачил и не стрелял бекасов на территории поместья в обществе своих верных псов либо не уезжал в Дублин в свой клуб на Килдэр-стрит, не посещал собрания Королевского

³ Мамы и папы (*франц.*).

общества Дублина, он учил внучку играть в шахматы, бридж и вист. И, надо сказать, как для человека, не выносившего детей, делал это с удивительным терпением. Аделина позволяла ей помогать в саду. Хотя у них был целый штат садовников, бабушка часами сама ковырялась в теплицах под причудливыми крышами в форме бланманже⁴, вдыхая теплый влажный, пахнущий землей воздух. В этих стеклянных теплицах Аделина выращивала гвоздики, виноград и персики, лелеяла огромное количество разнообразных растений с длинными латинскими названиями, высаженных в керамические горшки. Она разводила лекарственные травы и цветы, стараясь передать свои знания о них маленькой внучке. Можжевельник помогает при ревматоидном артрите, анис — при кашле и несварении, петрушка — от вздутия, красный клевер — при язвах и нарывах, боярышник — при болях в сердце. Ее самыми любимыми растениями были конопля, применяемая в случае перенапряжения, и расторопша — при расстройствах работы печени.

⁴ Бланманже — холодный десерт, желе из миндального или коровьего молока, сахара и желатина; застывает в креманках, поэтому имеет куполообразную форму.

Когда Губерт и Китти добрались до библиотеки, Аделина оторвалась от работы — при свете угасающего дня она рисовала орхидею за столом у эркерного окна — и посмотрела на них.

— Дорогой, я полагаю, это ты стрелял из окна гардеробной? — спросила она мужа, одарив его укоризненным взглядом поверх очков.

— Чертовы кролики! — ответил Губерт, опускаясь в кресло у камина, в котором весело горел огонь от брикетов торфа, и прячась за газетой «Айриш Таймс».

Аделина, снисходительно покачав головой, вернулась к своему рисунку.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, они еще больше разозлятся, — сказала она.

— Они не злятся, — возразил Губерт.

— Конечно злятся. Они уже сотни лет злятся.

— Что? Кролики?

Кисть Аделины на мгновение замерла.

— Губерт, ты просто невыносим! — вздохнула женщина.

Китти сидела на диване и голодными глазами смотрела на кекс, который поставили на столик перед ней вместе с чайником и фарфоровыми чашечками. Псы, тяжело дыша, опустились на пол перед камином. Им кекса не полагалось.

— Давай, моя дорогая, угощайся, — обратилась к внучке Аделина. — Они тебя там что,

не кормят? — добавила она, нахмурившись при взгляде на худые запястья и тонкую талию девочки.

— Миссис Дойл готовит гораздо лучше, — сказала Китти, вспоминая жирное мясо и сыроватую капусту мисс Гиббонс.

— Это потому, что я научила ее: пища должна не только наполнять желудок, но также иметь хороший вкус. Ты удивишься, узнав, как много людей едят не для того, чтобы насладиться вкусом, а лишь затем, чтобы насытиться. Я скажу твоей маме, пусть отправит к нам вашу кухарку на обучение. Уверена, миссис Дойл была бы в восторге.

Китти, положив себе кусочек кекса, попыталась представить, как миссис Дойл приходит от чего-то в восторг. Трудно было найти более мрачного и угрюмого человека. Мгновение спустя солнце спряталось, и Аделина присоединилась к внучке, сидевшей на диване. Дряхлый дворецкий нетвердой рукой налил ей чашку чая, а молоденькая горничная тихо прошла по комнате, зажигая масляные лампы. Вскоре библиотеку осветило мягкое золотое сияние.

— Полагаю, Виктория вскорости покинет нас и отправится в Лондон к кузине Беатрис, — заметила Аделина.

— Я не хочу ехать в Лондон, когда вырасту, — призналась Китти.

— О, когда тебе исполнится восемнадцать, захочешь непременно. Ты устанешь от этих охотничьих балов вкупе с ирландскими кавалерами. Тебе захочется увидеть новые лица, испытать волнение и суматоху большого города. Лондон — потрясающее место, и потом, тебе же нравится кузина Беатрис, не так ли?

— Да, она замечательная, и Силия очень веселая. Но больше всего мне по душе быть здесь, с *вами*.

Лицо бабушки смягчилось в нежной улыбке.

— Ты знаешь, игры с Брайди тут, в замке, — это, конечно, очень хорошо, но тебе необходимо иметь друзей своего круга. Силия — твоего возраста, и она — твоя кузина, поэтому вполне естественно, что вы должны выйти в свет вместе.

— Но в Дублине тоже есть сезон.

— Конечно есть, однако ты англо-ирландка, дорогая.

— Нет, я ирландка, бабушка. И мне не нравится Англия.

— Понравится, когда ты ее узнаешь.

— Сомневаюсь, что там так же красиво, как в Ирландии.

— Разумеется, Ирландия — самая живописная страна, но Англия очень на нее похожа.

— Я была бы не против, если бы именно меня прокляли навеки остаться здесь.

Аделина понизила голос:

— О, думаю, ты не права. Нет ничего хорошего в том, чтобы застрять между этим светом и тем, Китти. Там невероятно одиноко.

— Я привыкла к одиночеству. И была бы очень рада навеки остаться в замке, даже если бы пришлось проводить время с ворчливым старым Бартоном. Я бы совсем не возражала.

Уже совсем стемнело, когда, сыграв с дедом партию в шахматы, Китти отправилась домой. В воздухе пахло дымом и зимой, в поднимающемся тумане хрипло кричала сова, обитающая в сарае. Яркий серп луны освещал девочке путь, и она вприпрыжку бежала по хорошо знакомой протоптанной тропинке через сад.

Когда Китти добралась до Хантинг-Лодж, она проникла внутрь через кухню, где мисс Гиббонс потела над безвкусным рагу. Девочка услышала звуки фортепиано, доносившиеся из гостиной, и узнала неуверенную манеру игры своей шестнадцатилетней сестры Элспет. Улыбаясь, она представила, как мать сидит на диване с чашкой чая в тонкой белой руке, терзая какого-нибудь бедного гостя столь невыносимым представлением. На цыпочках пробравшись в холл, Китти спряталась за большим папоротником. Вдруг, без всякого чувства ритма, музыка стихла. Прозвучали жидкие аплодисменты, и потом девочка услышала голос

матери, восторженно хвалившей Элспет. Не менее восхищенно ей вторил голос ближайшей подруги Мод, леди Роуэн-Хэмптон, крестной Элспет. Китти на миг охватила острая тоска. Леди Роуэн-Хэмптон — а родители девочки называли ее просто Грейс — была самой красивой женщиной, которую Китти когда-либо видела, и единственным взрослым человеком, кроме дедушки и бабушки, кто позволял ей почувствовать себя особенной. Зная, что ей не разрешалось спускаться в гостиную без позволения родителей, Китти неохотно поднялась наверх по черной лестнице.

Хантинг-Лодж выглядел не столь большим и внушительным, как замок, но был достаточно роскошным для старшего сына лорда Деверилла и гораздо солиднее, чем следовало из скромного названия. Это был просторный дом из серого камня, частично увитый плющом, словно таким образом строение робко пыталось защититься от пронзительных зимних ветров. В отличие от замка, где мягкий песчаник позволял сохранять тепло, Хантинг-Лодж выглядел холодным и суровым. Внутри было сыро и промозгло даже летом, а каминные топили торфом только в тех комнатах, где бывали хозяева. Там, где не пахло плесенью.

Спальня Китти располагалась на верхнем этаже в задней части, а окна выходили на конюшню. Это было то крыло дома, что называлось

детским. Виктория, Элпет и Гарри давно уже перебрались в другие, более элегантные комнаты ближе к гостиной, в большие спальни с видом на сад. Китти осталась одна с мисс Грив, и от этого чувствовала себя забытой и брошенной.

Когда она пробиравалась по узкому коридору в свою спальню, то увидела свет под дверью комнаты мисс Грив. Девочка шла на цыпочках, чтобы не привлекать к себе внимания. Но, проходя мимо комнаты гувернантки, вдруг услышала тихий плач. Это было совсем не похоже на мисс Грив. Китти казалось, гувернантка вообще не умеет плакать. Девочка остановилась и прижала ухо к двери. Сначала она подумала, что к мисс Грив кто-то пришел, но та никогда не нарушила бы установленных правил. А мать Китти запрещала приводить наверх гостей. И вообще, Китти не думала, что у мисс Грив есть друзья. Она никогда не упоминала никого, кроме своей матери, жившей в Эдинбурге. Девочка опустилась на колени и припала глазом к замочной скважине. Мисс Грив сидела на кровати, на коленях у нее лежало письмо. Китти поразились, увидев, что каштановые волосы женщины густыми локонами спадают на плечи и спину. Лицо гувернантки было бледным в свете лампы, но черты выглядели явно мягче. Она не казалась настолько одеревеневшей, как обычно, когда собирала волосы вверх и сжимала губы в

такую тонкую линию, что их почти совсем не было видно. Сейчас мисс Грив напоминала ранимую молодую женщину, удивительно красивую.

Китти хотелось узнать, о чем идет речь в письме. Вдруг кто-то умер — возможно, мать мисс Грив? Сердце девочки переполняло сострадание, она уже почти повернула ручку, чтобы войти. Но мисс Грив выглядела очень непривычно и Китти почувствовала — та может смутиться, что ее застали в момент, когда она потеряла самообладание. Девочка замерла. Ее ошеломили дрожащие губы гувернантки, мокрое от слез лицо, которое казалось расслабленным и не таким жестким, застывшим, как обычно. Ее потрясла очевидная молодость мисс Грив, и она гадала, сколько же той лет на самом деле. Прежде ей всегда казалось, что гувернантка старая, однако теперь Китти не была в этом уверена. Вполне возможно, мисс Грив — ровесница матери.

Спустя некоторое время девочка ушла к себе в спальню. Нора, одна из горничных, уже разожгла ее крохотный очаг, и в комнате приятно пахло дымом. Масляная лампа горела на комодке у стены, под картиной, на которой бабушка нарисовала для внучки садовых фей. Шторы были задернуты, но Китти открыла их и села у окна — полюбоваться луной и звездами, ярко сверкавшими на темном бархате неба.

Ее не тяготило одиночество. Девочка то и дело оставалась одна, и это состояние стало частью ее души, гармонично вплетаясь в ее натуру. В сердце зашевелилось знакомое тягучее волнение. Она всегда его ощущала, когда любовалась красотой ночи. Но даже если ей и было знакомо чувство тоски, Китти не могла осознавать, что это жажда любви. Такое болезненное ощущение было настолько обычным для нее, что Китти ошибочно считала его приятным. Она привыкла часами смотреть на звезды — как голодный волк привыкает выть на луну.

Наконец мисс Грив появилась в дверях, чопорная и суровая, с волосами, собранными сзади в тугой пучок, словно загнала все эмоции глубоко внутрь и стянула их корсетом. На строгом лице и в темно-серых глазах не было ни следа слез, так что Китти на мгновение показалось, будто она сама их просто выдумала. Что же заставило мисс Грив так горько печалиться?

— Пора на ужин, юная леди, — сказала гувернантка девочке. — Ты вымыла руки?

Китти послушно продемонстрировала той свои ладони, мисс Грив лишь неодобрительно фыркнула.

— Не думаю. Иди и вымой их немедленно. Негоже юной леди бегать по округе, подобно бездомной собаке. Я поговорю с твоей матерью.

Вероятно, уроки игры на фортепиано приучат тебя к дисциплине и позволят не попасть в неприятности.

— Уроки игры на фортепиано мало помогли Элспет, — смело ответила Китти. — А когда она поет, кажется, будто кто-то душит кошку.

— Не дерзи мне, Китти.

— Виктория, играя на скрипке, производит еще более ужасные звуки. Скорее похоже на хор полудохлых котов. Я хотела бы петь.

Китти налила холодной воды из кувшина в миску с водой и вымыла руки с карболовым мылом. До сих пор ее не учили игре ни на фортепьяно, ни на скрипке, потому что музыка была епархией матери, а Мод Деверилл в упор не замечала младшую дочь. Единственная причина, почему ее обучали верховой езде, — страсть отца к охоте и скачкам. Пока он жив, ни один из его детей не должен неуклюже держаться в седле.

— Тебе уже девять, Китти. Пора подумать о том, чтобы выглядеть привлекательно. Я полагаю, тебе, так же как и сестрам, тоже следует брать уроки музыки. Я завтра же поговорю с твоей матерью и прослежу за этим. Чем меньше свободного времени у тебя будет оставаться, тем лучше. Лень — мать всех пороков.

Китти последовала за мисс Грив в детскую, где на столе, за которым они обычно занимались,

был накрыт ужин на двоих. Они стали за своими стульями, чтобы вознести молитву, а затем мисс Грив села за стол, а Китти из кухонного лифта принесла блюдо с рагу и печеным картофелем.

— А почему твои родители не хотят тебя видеть за общим столом во время еды? — спросила мисс Грив, стоило Китти занять свое место. — Мисс Гиббонс сказала мне, что, когда твои братья и сестры были маленькими, вся семья всегда собиралась за обедом. — Гувернантка положила в свою тарелку рагу. — Вероятно, это потому, что ты еще не умеешь себя вести. На моей прежней службе у леди Биллоу я всегда обедала за одним столом с хозяйской семьей. Правда, ужинала, хвала Господу, отдельно. Неужели нам с тобой до самого твоего совершеннолетия придется обедать за одним столом?

Китти привыкла к злобным насмешкам мисс Грив и старалась не обращать на них внимания. Ее единственной защитой было остроумие.

— Это, должно быть, для вашего удовольствия, мисс Грив. Иначе вам было бы очень одиноко.

Мисс Грив горько рассмеялась.

— И я полагаю, ты считаешь себя хорошей компанией, не так ли?

— Я, вероятно, лучшая компания, чем одиночество.

— Я бы не была столь уверена. У тебя слишком длинный язык для девятилетней девочки. Неудивительно, что твои родители не хотят тебя видеть. Виктория и Элспет — молодые дамы, но ты, Китти, просто какой-то уличный мальчишка-оборванец, которого еще нужно обучить хорошим манерам. Эта задача выпала мне, и она станет большим испытанием. Между тем я, по доброте своего сердца, сделаю все, что смогу. У нас впереди долгий путь, прежде чем ты хоть отчасти станешь готова к тому, чтобы подыскивать себе достойного мужа.

— Мне не нужен муж, — возразила Китти, отправляя в рот кусочек мяса, которое оказалось внутри холодным.

— Конечно, сейчас он тебе не нужен. Ты ребенок.

— А вам когда-нибудь хотелось замуж, мисс Грив?

Гувернантка на миг неуверенно отвела глаза, выдавая наблюдательной девочке гораздо больше, чем ей хотелось бы.

— Это тебя не касается, Китти. Сядь прямо, ты не мешок картофеля.

— А гувернанткам разрешается выходить замуж? — продолжила Китти, прекрасно зная ответ, но наслаждаясь страдальческим взглядом мисс Грив.

Та поджала губы.

— Конечно, разрешается. С чего ты взяла, что нет?

— Никто из них никогда не был замужем. — Китти отважно попыталась прожевать жилистый кусок говядины.

— Хватит болтать, дитя, иначе отправишься спать без ужина.

Однако мисс Грив внезапно густо покраснела, и Китти снова на мгновение увидела в ней ту молодую женщину, которая горько рыдала над письмом в спальне.

Девочка растерянно моргнула — и видение тотчас исчезло. Мисс Грив уставилась в тарелку, словно пытаясь совладать с эмоциями.

Китти было стыдно за свою жестокость, но она воспользовалась возможностью незаметно выплюнуть мясо в салфетку и сложить ее на коленях. Девочка старалась придумать что-нибудь приятное, но на ум ничего не приходило. Некоторое время они сидели молча.

— Вы играете на пианино, мисс Грив? — наконец спросила Китти.

— Когда-то играла, — напряженно ответила та.

— А почему вы никогда не музицируете?

Женщина свирепо взглянула на Китти, как будто девочка коснулась невидимого оголенного

нерва.

— Хватит с меня вопросов, юная леди. До конца ужина мы будем есть молча.

Китти была поражена. Она не ожидала такой жесткой реакции на то, что считала обыденной удачной сменой темы.

— Еще одно слово, и я отволоку тебя за твои рыжие волосы прямо в спальню.

— Они не рыжие, а золотисто-каштановые, — упрямо пробормотала Китти.

— Можешь использовать любые модные слова, которые найдешь, моя девочка, но рыжий есть рыжий, и, на мой взгляд, он тебе совсем не идет.

До конца ужина Китти не проронила ни слова. Лицо мисс Грив выглядело тверже гранита. Китти пожалела, что старалась быть с ней вежливой, и решила больше никогда не поддаваться глупому состраданию. Когда они закончили, девочка послушно загрузила тарелки в кухонный лифт и дернула шнур колокольчика, чтобы опустить подъемник назад в кухню.

Она помылась холодной водой, потому что Шон Дойл, брат Брайди, приносил горячую воду наверх из кухни в детскую через день. Мисс Грив проследила, чтобы Китти помолилась перед сном. Та покорно молилась о маме и папе, брате и сестрах и о бабушке с дедушкой. Потом добавила и

молитву о мисс Грив. «Прошу тебя, Господи, забери ее прочь. Она ужасная, недобрая, и я ненавижу ее. Если бы умела проклинать, как Мэгги О'Лири, я бы прокляла ее, дабы несчастья преследовали ее каждый день ее жизни и никогда не отпускали ее».

Глава 3

Мод Деверилл молча сидела в карете рядом с мужем, положив обтянутые перчатками руки на одеяло, укутывавшее колени. Шуба грела грудь и спину, но женщина все равно дрожала. Вечер был ясным и холодным. В воздухе чувствовалась извечная неизбежная сырость, мокрый туман поднимался от пропитанной влагой земли, смешиваясь с промозглым соленым ветром, дувшим с моря, колючим и пронизывающим, пробиравшим до самых костей. Берти вернулся под вечер, как обычно. От него пахло конским потом. Он тепло приветствовал леди Роуэн-Хэмптон, однако Мод не могла обмануть их показная благопристойность. Она часто замечала, что воротнички мужа пахнут духами Грейс, и видела, как они украдкой обмениваются многозначительными взглядами, когда думают, что за ними никто не наблюдает. Почему, спрашивается, Мод поддерживала столь близкие

отношения с любовницей мужа? Потому что верила, быть может, ошибочно, что важно держать друзей близко, а врагов еще ближе. И с Грейс, самой опасной из ее врагов, она была ближе, чем с кем бы то ни было.

Экипаж, покачиваясь, проехал по тропинке, огибавшей поместье, через лужи и ямы. Когда карета достигла замка, пассажиров окончательно растрясло. Лакей, открыв дверцу, предложил руку миссис Деверилл. Та приняла ее, неуверенно вытянула ногу, пытаясь нащупать в темноте верхнюю ступеньку. Наконец выбралась из кареты и взяла мужа под руку. Берти был рыжеволосым красавцем с широким пропорциональным лицом. Серые глаза были светлыми, как утиные яйца. Он отличался суховатым юмором и слабостью к хорошеньким женщинам. В графстве Корк Берти славился своим спокойным обаянием и мягким добродушием, он пользовался успехом у дам — всех, кроме Мод, конечно, которую с самого начала раздражал тот факт, что он никогда всецело не принадлежал ей.

По обе стороны от парадной двери горели факелы, освещавшие путь гостям. Берти и Мод были ближайшими соседями Девериллов, но постоянно приезжали последними, как правило, из-за Мод. Она подсознательно медлила, в надежде, что, если будет копать и тянуть время, муж может

уехать без нее.

— Если меня снова посадят рядом со священником, я застрелюсь, — прошипела Мод. Ее красные губы в полумраке казались черными.

— Моя дорогая, ты всякий раз сидишь рядом с ним и никогда не стреляешься, — терпеливо ответил Берти.

— Твоя мама делает это нарочно, чтобы досадить мне.

— Зачем ей это?

— Потому что она меня презирает.

— Глупости. Мама никого не презирает. Вы просто очень разные. Я не понимаю, почему не можете поладить.

— У меня болит голова. Мне вообще не стоило приезжать сегодня.

— Ну, раз уж ты здесь, развлекись как следует.

— Тебе хорошо говорить, Берти. Ты всегда был душой компании. Тебя все любят. А я тут лишь для того, чтобы доставить тебе удовольствие.

— Не говори глупостей, Мод. Ты здесь простудишься до смерти. Мне нужно выпить.

Они зашли в холл, и Мод нехотя сбросила шубу на руки О'Флинна.

Мод была красивой, но строгой на вид женщиной. Высокие скулы, симметричное лицо в форме сердца, большие светло-голубые глаза и

правильный прямой нос. Полные чувственные губы, густые блестящие светлые волосы, заколотые в типичном эдвардианском стиле⁵ — все волны и завитки выложены в строго определенных местах. Молочно-белая кожа, изящные ступни и кисти изысканной формы. На самом деле она походила на прекрасную мраморную статую, изваяние щедрого творца, холодную и твердую, лишенную всякой чувственности. Основным качеством, определявшим ее характер, была полная неспособность видеть что-нибудь, кроме себя.

Сегодня она надела бледно-голубое платье в пол, которое подчеркивало стройность фигуры, жемчужное кольцо с бриллиантовой застежкой, сверкавшей у горла. Когда Мод появилась в гостиной, у присутствовавших вырвались вздохи восхищения, немало польстившие ей. Женщина прошла по комнате, чувствуя себя гораздо лучше. К ней тотчас приблизились эксцентричные незамужние сестры Аделины, Хейзел и Лорел.

— Мод, дорогая моя, ты выглядишь просто восхитительно, — восторгалась Хейзел. — Правда, Лорел? Мод выглядит очаровательно.

На пухлых румяных щеках Лорел, всегда

⁵ Стиль, сложившийся в эпоху правления короля Великобритании и Ирландии Эдуарда VII (1901–1910).

державшейся рядом с сестрой, играла улыбка.

— В самом деле, Хейзел. Она и правда восхитительно выглядит. Совершенно очаровательно!

Мод посмотрела сверху вниз на круглые улыбающиеся лица сестер, вежливо улыбнулась и постаралась как можно скорее ускользнуть от них, сославшись на желание поприветствовать чету священника.

— Бедная миссис Донт, у нее такой измученный вид, — отпустила замечание Хейзел по поводу супруги священника.

— Нужно будет сказать, чтобы Мэри испекла кекс и отнесла ей, — предложила Лорел, подразумевая их служанку.

— Великолепная идея, Хейзел. Если добавить в кекс немного бренди, это пойдет ей на пользу, верно?

— О, действительно! — воскликнула всегда чрезмерно энергичная Лорел, восторженно хлопая в ладоши.

Священник был дородным, важным мужчиной с длинными колючими усами и пухлыми красными щеками. Он с таким рвением старался получать удовольствие от жизни, словно это предназначала одна из малоизвестных Божьих заповедей. Святой отец рьяно охотился, был метким стрелком и страстным рыбаком. Его часто видели на скачках,

он никогда не упускал возможности почитать нравоучения, как будто пространные проповеди этого духовного лица обосновывали его присутствие в столь злачном месте. Мод проявляла религиозность, когда ей это было удобно, но ее раздражала напыщенность местного служителя церкви. Викарий в ее родном городке в Англии являлся человеком простым, аскетичным и довольствовался повседневными, скромными радостями жизни, поэтому Мод искренне считала, что такими должны быть все служители церкви. Но она протянула руку и приветствовала священника, маскируя истинные чувства за лоском холодной вежливости.

— А вот и очаровательная миссис Деверилл, — сказал он, беря ее тонкую кисть своей рыхлой большой ладонью и крепко сжимая. — Виктория прочитала необходимые для завтрашней службы отрывки? — спросил святой отец.

— Конечно, — ответила Мод. — Я лично репетировала с ней, но вы же знаете нынешнюю молодежь, они читают очень быстро!

— Я так понимаю, она вскоре покинет нас и уедет в Лондон?

— Не знаю, как я буду обходиться без нее, — вздохнула Мод, как всегда умудряясь говорить лишь о себе. — Мне будет ее не хватать, придется довольствоваться компанией Элспет.

— Ну, скоро Гарри приедет на каникулы, и, кроме того, у вас еще есть... — Священник собирался упомянуть Китти, однако Мод резко оборвала его.

— За хорошее образование приходится дорого платить, — серьезно произнесла она. — Но таков уж мир. И потом, Гарри нравится в Итоне, так что мне грех жаловаться. Между тем я ужасно скучаю по нему. Он стоит десяти дочерей. Господь не пожелал дать мне больше сыновей, — промолвила она укоризненно, словно в этом была доля вины священника.

— Ваши дочери будут заботиться о вас в старости, — возразил тот услужливо, осушив свой бокал шерри.

— Гарри станет ухаживать за мной в старости. Мои дочери будут слишком заняты собственными детьми, чтобы думать обо мне.

В этот момент к ним присоединилась Аделина.

— Мы, леди Деверилл, как раз говорили, что дочери — великое утешение для своих матерей в старости, — пояснил священник, с облегчением взирая на ее милую улыбку и глаза, искрящиеся теплом.

— Не знаю, моя дочь перебралась через Атлантический океан без оглядки, — абсолютно не сожалея об этом, сказала Аделина. — Но уверена,

что вы правы. Мод повезло, ведь у нее три дочери.

Мод отвела глаза. Аделина смотрела на нее так, словно видела насквозь, будто знала обо всех недостатках невестки и находила их смехотворными.

— Вполне возможно, Виктория и Элспет выйдут замуж за англичан и все равно не останутся жить в Ирландии. Я надеюсь, Гарри, на ком бы он ни женился, будет жить здесь.

Аделина пристально посмотрела на Мод.

— Ты забываешь о Китти, дорогая моя.

Священник широко улыбнулся, он очень любил младшую представительницу рода Деверилл.

— Ну нет, она точно не покинет Ирландию, только не Китти. Готов биться об заклад на любую сумму, что она выйдет замуж за ирландца.

Мод попыталась выдавить из себя улыбку, но карминно-красные губы скривились в некой странной гримасе.

Аделина покачала головой, ее особая привязанность к Китти ни у кого не вызывала сомнений.

— Она абсолютно бесстрашная. И уж точно совершит что-нибудь удивительное. Я готова поставить на это все, что у меня есть.

Мод почувствовала, как все ждут, что и она вставит слово в разговор. Между тем она совсем не знала Китти. Ей было известно только, что у ее

младшей дочери такие же огненно-рыжие волосы, как у Аделины, и такое же странное, вызывающее тревогу выражение глаз, словно она знает нечто, сокрытое для остальных.

Наконец О'Флинн появился в дверях и объявил: ужин подан. Мод нашла мужа, обсуждавшего следующую охоту с отцом, старик допивал уже третий стакан хереса. Лорд Деверилл всегда умудрялся выглядеть так, словно его побила моль. Седые волосы были всклокочены, как если бы он только что скакал диким галопом, а вечерний пиджак напоминал вещь, которую погрызли мыши. Сколько бы Скидди ни старался содержать костюмы хозяина чистыми и тщательно выглаженными, они все равно имели вид тряпья, только что извлеченного с самого дна сундука. А покупать новую одежду хозяин упрямо отказывался.

— Разрешешь мне сопроводить тебя к столу, Мод? — спросил Губерт, любуясь прекрасным лицом невестки.

Мод, всегда имевшая возможность положиться на поддержку свекра, взяла старика под руку и позволила отвести себя в столовую.

Берти сопровождал сестер матери. Каждая из «кустиков» опиралась на его руку, он рассеянно слушал их возбужденную болтовню, словно ненавязчивый птичий щебет. Священник вошел в

столовую в сопровождении Аделины, их разговор сводился к односторонней лекции об избирательных правах женщин, которую та слушала вполуха, без всякого интереса.

Они встали вокруг стола, чтобы вознести благодарственную молитву, Губерт — во главе, Аделина — на противоположном краю, святой отец расположился по правую руку от хозяйки, рядом с разгневанной Мод. Присутствующие низко опустили головы, и священник тихим торжественным голосом, словно с церковной кафедры, прочитал соответствующую молитву. Как только он закончил, дверь распахнулась настежь и на пороге появился Руперт, младший брат Берти. Растрепанный и очевидно пьяный, он опирался руками о дверную раму.

— А для меня местечко найдется? — спросил он, обращаясь к матери.

Аделина, похоже, совсем не удивилась, увидев своего среднего сына, жившего в доме, что прежде принадлежал ее покойной свекрови, вдовствующей леди Деверилл. Дом с видом на море располагался в миле от замка.

— Почему бы тебе не сесть между твоими тетушками? — сказала она, опускаясь в свое кресло.

Губерт, менее терпимый к выходкам неисправимого сына, считал, что было бы лучше,

если бы тот последовал примеру сестры и отправился в Америку, нашел бы себе супругу и, возможно, хоть как-то остепенился. Громко откашлявшись, он произнес:

— Что, у твоей кухарки сегодня выходной?

Руперт обаятельно улыбнулся.

— Я услышал, что мои дорогие тети Хейзел и Лорел придут нынче на ужин, папа, и не смог устоять.

Сестры порозовели от удовольствия, не уловив насмешки в его тоне, и раздвинули свои стулья в стороны, чтобы О'Флинн мог поставить еще один между ними.

— Какой приятный вечер получился! — восторженно воскликнула Лорел. — Правда, Хейзел?

— О, конечно, Лорел. Проходи и садись, Руперт, дорогой, и расскажи, чем занимаешься. У тебя ведь очень интересная жизнь, не так ли? Мы только вчера говорили, каково это быть молодым, верно, Лорел?

— О да, да. Мы с Хейзел такие старые, что единственное доступное нам развлечение — те новости, которые нам рассказывают, — словно крохи со стола богачей.

Руперт, усевшись, развернул свою салфетку.

— А что нам сегодня приготовила миссис Дойл? — спросил он.

Было уже за полночь, когда Берти и Мод возвращались к себе в Хантинг-Лодж. Мод обрушила свой гнев на уставшего и слегка подвыпившего мужа.

— Руперт — это просто позор! Как он мог явиться вот так, без приглашения? Он был абсолютно пьян и неподобающе одет. С учетом того, сколько денег твой отец выделяет на него, можно было бы ожидать, что у него хватит совести одеться прилично, собираясь на обед. — Она резко качнулась вперед, когда экипаж тряхнуло на выбоине.

— Мама и папа не особо заботятся о такого рода вещах, — ответил Берти, зевая.

— А стоило бы. Цивилизованность — это следование определенным стандартам. Наша страна погрузилась бы в варварство, если бы люди, подобные нам, не держали бы планку. Внешность имеет значение, Берти. И твои родители должны подавать пример.

— Ты хочешь сказать, они плохо одеты, Мод?

— У твоего отца вся одежда побита молью. Почему бы ему время от времени не ездить в Лондон к портному?

— Отцу приходится думать о более важных вещах.

— Охота, стрельба и рыбалка, я полагаю?

— Ну да, к примеру. Он уже стар. Пусть

живет в свое удовольствие.

— Что касается твоих теток, они просто нелепы.

— Они счастливые, добрые и милые. Ты слишком строго судишь людей, Мод. Тебе хоть кто-нибудь нравится?

— Руперту нужна жена, — произнесла она, меняя тему.

— Так найди ее ему.

— Он должен поехать в Лондон и поискать красивую английскую девушку с хорошими манерами и твердой рукой, которая смогла бы заставить его взяться за ум.

— Ты жестока, Мод. Неужели сегодня и в самом деле все было так плохо?

— О, ты чудесно скоротал вечерок в столовой, попивая портвейн и покуривая сигары, в то время как мы томились в гостиной. Ты знаешь, что твоя мать с сестрами решили провести в замке спиритический сеанс? Просто троица ведьм каких-то! Это абсурдно!

— Ах, дорогая, оставь их, пусть себе развлекаются. Какое тебе дело до того, что они хотят пообщаться с мертвыми?

Мод поняла: ее аргумент слабоват.

— Это безбожие, — едко заметила она. — Я не думаю, что приходской священник благосклонно отнесется к их забавам. Ничего хорошего из этого

не выйдет, попомни мои слова.

— И все-таки я не понимаю, какое отношение это имеет к тебе, Мод.

— Твоя мать плохо влияет на Китти, — возразила та, зная, что имя дочери произведет должный эффект.

Берти, нахмурившись, потер щетинистый подбородок.

— Ах, Китти, — со вздохом повторил он, чувствуя укол вины.

— Она проводит слишком много времени, обсуждая всякий бред со своей бабушкой.

— Может быть, потому, что *ты* совсем не уделяешь ей внимания?

Мод некоторое время сидела молча, оскорбленная. Берти раньше никогда не жаловался на очевидное игнорирование ею их младшей дочери. Кроме того, так принято, что маленькие дети содержатся вне поля зрения родителей, в детской, со своими гувернантками. Затем Мод внезапно с болью осознала, что, должно быть, это Грейс Роуэн-Хэмптон сказала ему о Китти. Держа своего врага слишком близко, Мод вынуждена была терпеть шпиона в собственном доме.

Экипаж подъехал к Хантинг-Лодж и остановился возле входной двери. На улице слегка моросило. Местные жители называли такую погоду «мягким дождем». Сильный ветер стелился над

землей и жутко завывал в голых ветвях конских каштанов. Дворецкий ожидал хозяев в холле, держа наготове масляную лампу, чтобы осветить им дорогу в их комнаты. Еще более недовольная, чем обычно, Мод последовала за мужем вверх по лестнице, надеясь, что он заметит ее молчание и спросит, что ее беспокоит.

— Спокойной ночи, моя дорогая, — сказал он, не взглянув на супругу.

Женщина проследила за тем, как он скрылся в своей комнате и притворил за собой дверь. Она в гневе прошла в собственную спальню, где ее ожидала камеристка, чтобы помочь расстегнуть крючки на платье. Мод молча повернулась к ней спиной и ждала, пока та справится с крючками.

На следующее утро Китти позавтракала с мисс Грив в детской, после чего оделась, чтобы идти в церковь. Воскресная служба в церкви Святого Патрика в Баллинакилле — единственный повод, когда вся семья собиралась вместе. Единственный раз, когда Китти действительно видела своих родителей. Мисс Грив, выложив свежий белый передник и начищенные черные ботинки, потратила гораздо больше времени, чем требовалось, чтобы расчесать спутанные волосы, не обращая ни малейшего внимания на то, какую боль причиняет ребенку. Но Китти не отрываясь смотрела на серые тучи, бегущие по небу за окном,

и не позволила себе ни единой слезинки.

В то время как родители, бабушки и дедушки использовали закрытые экипажи, Китти и ее сестры ездили в рессорной двуколке, запряженной пони. Мисс Грив сидела впереди, рядом с мистером Миллсом, который держал вожжи. Виктория была красива, как мать, с широким лицом в форме сердца, длинным прямым носом и злыми голубыми глазами. Белокурые волосы сияющими локонами ниспадали до самой талии. Она восседала, выпрямив спину, высоко подняв подбородок, прекрасно осознавая свою красоту и то восхищение, которое вызывала у всех, кто ее видел. Элспет была более скромной и менее привлекательной, чем ее старшая сестра. Волосы девушки имели пепельно-каштановый цвет, нос был крупным и курносым, а лицо выражало тупую покорность, как у комнатной собачонки. Обе старшие сестры полностью игнорировали Китти, предпочитая разговаривать друг с другом. Но Китти не имела ничего против. Она, глядя по сторонам на поля, где паслись коровы и овцы, была слишком занята.

— Мама говорит, мне нужно пошить новые платья для поездки в Лондон, — радостно похвасталась Виктория, придерживая шляпу от ветра. — Она уже послала мои мерки кухне Беатрис. Я не могу дождаться. Уверена, они будут

самых модных фасонов.

— Как тебе повезло! — ответила Элпет, которая всегда немного растягивала гласные, отчего создавалось впечатление, будто она вечно ноет. — Я бы хотела поехать с тобой. А вместо этого останусь совсем одна и не с кем будет поговорить, кроме мамы. Без тебя я буду скучать!

— Тебе придется привыкнуть, Элпет. Я твердо намерена найти себе мужа, — резко оборвала ее сестра.

— Полагаю, для того и затевается эта поездка.

— Мама сказала, если девушка не может найти себе мужа, то это потому, что она уродлива, глупа или и то и другое.

— Ты не уродлива и не глупа, — заметила Элпет. — К счастью, никто из нас не унаследовал бабушкин рыжий цвет волос.

— Это не рыжий, — перебила ее Китти, взглянув на сестру из-под капора. — Это золотисто-каштановый.

Девушки захихикали.

— Мама говорит, это самый настоящий рыжий, — злорадно промолвила Виктория.

— Быть рыжим — это не к добру, — произнесла Элпет. — Рыбаки возвращаются домой, если встречают по пути к берегу рыжеволосую женщину. Это мне Клодаг сказала, — добавила она, ссылаясь на одну из служанок.

— Ты бы лучше спрятала волосы под капор, — вставила свое слово Виктория. Она свысока посмотрела на младшую сестру.

Китти подняла серые глаза и смело уставилась на девушку. Виктория перестала смеяться, ей вдруг стало страшно. Что-то пугающее читалось в глазах младшей сестры, словно та способна была сглазить человека одним взглядом.

— Но ты не обижайся, — беспокойно произнесла девушка, не желая разжигать гнев Китти, в случае если она каким-то образом может сглазить ее первый лондонский сезон. — Рыжие волосы хорошо смотрятся в сочетании с красивым лицом. Правда, Элспет? — Она пихнула среднюю сестру локтем в бок.

— Да, это верно, — послушно согласилась Элспет.

Но Китти больше не слушала. Она, стараясь найти в толпе Брайди и Джека О'Лири, глядела на местных католиков, возвращающихся домой после мессы.

Глава 4

Баллинакилл — старинный городок, белые домики которого лепились к склону холма, как мидии к скале, спускаясь до самого моря. Тут была небольшая пристань, четыре церкви (Святого

Патрика, Церковь Ирландии, Методистская церковь и Католическая церковь Всех Святых), центральная улица, где располагалось несколько магазинов, и четыре никогда не пустовавшие таверны. Местные дети посещали школу, которую организовала Католическая церковь, и почти каждый вечер собирались в часовне Девы Марии, чтобы посмотреть, как раскачивается статуя, что и в самом деле довольно часто происходило, вероятно, без всякой посторонней помощи. Построенная на склоне холма в 1828 году в честь видения, явившегося некой молодой девушке, летом часовня становилась чем-то вроде туристической достопримечательности. Сюда, нередко издалека, потоком шли паломники, чтобы посмотреть на нее. Благоговейно преклонив колени прямо в придорожную пыль, они истово крестились, когда статуя вдруг шевелилась. Местным ребятишкам очень нравилось это зрелище, и каждый раз стайки нечесаных сорванцов пускались наутек, скрывая страх под взрывами нервного смеха. Ходили слухи, будто лошади, проходя мимо часовни и предвещая какую-то беду, иногда упираются и останавливаются как вкопанные.

Коляска медленно ехала по городской улице. Китти нетерпеливо вглядывалась в лица детей, идущих от Католической церкви навстречу им. Они казались бледными, голодными, ведь им пришлось

поститься со вчерашнего вечера, и скучающими, церковная служба явно утомила их. Наконец девочка заметила Брайди, что брела вверх по улице вместе со своей семьей. Лицо подруги, наполовину скрытое нечесаными волосами, выглядело мрачно. Китти знала — Брайди не любит ходить на мессы. Отец Куинн был строгим и неумолимым священником. Он часто, потрясая пальцем, разражался с амвона гневными тирадами в адрес тех прихожан, которые, по его мнению, нарушали заповеди. Больше всего от его суровой критики страдали самые бедные из его паствы.

Китти сосредоточенно сверлила подругу взглядом до тех пор, пока та наконец не подняла глаза и не увидела ее, как раз в тот момент, когда коляска поравнялась с ней. Лицо Брайди просветлело, и она улыбнулась. Китти улыбнулась в ответ. Немного позади Брайди шел Лиам О'Лири, ветеринар, рядом со своим двенадцатилетним сыном Джеком. Китти улыбнулась и ему. Джек отреагировал более сдержанно. Его голубые глаза блеснули из-под темно-русой челки, и уголки губ чуть вздрогнули. Пони потрусил дальше. Китти оглянулась. Она снова встретила с Джеком глазами, когда он бросил через плечо еще один вороватый взгляд.

Церковь Святого Патрика была почти полной. Здесь аристократы сидели рядом с протестантами

из рабочего класса — лавочниками, торговцами крупным рогатым скотом, портными, управляющим и бухгалтером замка Деверилл. Все они являлись потомками гугенотов. Лорд и леди Деверилл заняли места в первом ряду вместе с Берти, Мод, Викторией и Элспет. Мисс Грив сидела с Китти в следующем ряду. К большому восхищению девочки, она обнаружила рядом леди Роуэн-Хэмптон, уютно кутавшуюся в теплое пальто и меховой палантин. Ее мужу, дородному краснолицему сэру Рональду, пришлось сидеть в проходе, чтобы выйти и прочесть поучение.

— Моя дорогая Китти, — весело прошептала леди Роуэн-Хэмптон, положив свой молитвенник на полочку перед собой. — Я тебя так давно не видела! Ты превратилась в очаровательную девушку. Должна сказать, ты унаследовала красоту своей бабушки. Знаешь, когда она была молода, о ее красоте говорил весь Дублин. Так... Как же нам пережить эту службу? Знаю! Давай играть в игру. Найди животное, которое соответствует каждому члену вашей семьи. И преподобному Донту, конечно. Давай не забывать и о нем. Если бы ты была животным, Китти, то стала бы... — Она прищурила свои бархатные карие глаза, и Китти с замиранием сердца уставилась на ее чуть пухлые розовые щеки, гладкую, слегка припудренную кожу и полные, выразительные губы.

Китти подумала, что если бы люди были тортами, то леди Роуэн-Хэмптон стала бы пышным бисквитом, тогда как ее мать — сухим и горьковатым кексом с портером.

— Конечно, моя дорогая, ты — лиса! — продолжила леди Роуэн-Хэмптон. — Ты стала бы очень хитрой и очаровательной маленькой лисичкой.

Служба началась первым гимном, и Китти вытянулась во весь рост, стараясь петь как можно красивее, чтобы произвести впечатление на леди Роуэн-Хэмптон. Мисс Грив просто беззвучно произносила слова, как показалось Китти, потому что гóлоса гувернантки она не слышала. Миссис Донт, жена священника, обычно играла на органе, почти так же скверно, как Элспет — на пианино, но сегодня миссис Донт плохо себя чувствовала, поэтому их сосед, свиноподобный мистер Рауи, красиво играл на скрипке. Китти уловила запах духов леди Роуэн-Хэмптон — цветочный, очень сладкий аромат, напоминающий туберозу, и тут же решила для себя, что, когда вырастет, хочет быть в точности похожей на эту даму. Конечно, ей не хотелось бы, чтобы у нее был толстый старый муж сэр Рональд, служивший местным егермейстером, шумный зануда и спорщик, когда бывал пьян, — Китти часто слышала, что он разглагольствует в столовой после того, как дамы уходили в гостиную.

Леди Роуэн-Хэмптон всегда носила сверкающие бриллианты на шее и запястьях и длинные платья, приятно шуршавшие при ходьбе. Она больше всех напоминала принцессу, какой ее себе представляла Китти. И теперь сидела рядом с девочкой, и та была в полном восторге.

Сэр Рональд стал читать первый отрывок. Его громкий голос отражался от стен. Он метко нацеливал каждое слово в собравшихся, будто боец, метаящий гранаты. После него читала Виктория, тихо и чуть быстрее, чем следовало, глотая конец фраз, отчего общий смысл прочитанного совершенно терялся. Преподобный Донт приступил к чтению проповеди, а леди Роуэн-Хэмптон наклонилась и прошептала на ухо Китти:

— Морж.

Девочка едва сдержала смехок. Именно это животное и пришло ей на ум, когда сэр Рональд читал отрывок из Библии.

Во время исполнения последнего гимна по рядам пустили тарелку для пожертвований. Леди Роуэн-Хэмптон вручила Китти монетку, чтобы в нужный момент она с тихим звоном могла положить ее рядом с другими деньгами. В конце службы мистер Рауи, снова взяв в руки скрипку, исполнил джигу, которая у многих вызвала улыбку — кроме Мод, неодобрительно поджавшей губы.

— Так каким животным, по-твоему, стал бы

твой отец? — спросила у Китти леди Роуэн-Хэмптон.

— Львом.

— Очень хорошо, — утвердительно кивнула Грейс. — Думаю, ты права. Он справедлив и красив, как лев. А твоя мама?

— Белая ласка.

Леди Роуэн-Хэмптон была в шоке.

— Моя дорогая, ты уверена, что знаешь, как выглядит ласка?

— Конечно. Вам не кажется, что она похожа на нее?

Леди Роуэн-Хэмптон замешкалась и отчего-то покраснела.

— Не уверена. Полагаю, она больше напоминает прекрасного снежного барса.

Китти, сморщив нос, подумала о сухом кексе с пивом.

— А твои сестры? — снова спросила леди Роуэн-Хэмптон.

— Маленькие ласки, — с ухмылкой ответила Китти.

— Ах, дорогая, слишком «ласочно» получилось, — заметила леди Роуэн-Хэмптон, тоже улыбаясь. — Думаю, мы с тобой сохраним эту игру в секрете, не правда ли?

Китти кивнула, наблюдая за тем, как стайка ласк, поднявшись со скамьи, двинулась по проходу

в сторону двери.

Выбравшись на свет Божий, прихожане пользовались возможностью пообщаться. Англо-ирландцы, будучи весьма немногочисленной общиной, знали друг друга на протяжении многих поколений и находили в приятельстве утешение и поддержку. Они охотились вместе, встречались на скачках, наслаждались бесконечной чередой осенних балов и званых обедов. Их объединяли любовь к охоте и развлечениям, верность короне, сдержанное уважение к ирландцам и подсознательное стремление вписаться в быстро меняющийся мир, словно они не понимали, что упадок их общины неизбежен.

Китти нашла в траве паутину, усеянную каплями дождя, неподалеку от того места, где ее отец разговаривал с леди Роуэн-Хэмптон. Чувствуя, что они обсуждают ее, девочка перестала наблюдать за пауком и постаралась услышать, что именно они говорят. Отец пару раз бросал на нее взгляд, но она притворялась, будто смотрит в другую сторону.

Леди Роуэн-Хэмптон весьма энергично жестикулировала, словно убеждая Берти в чем-то, и даже довольно сердито. Китти удивилась, увидев отца таким поникшим, будто его серьезно упрекали. Затем она заметила другой взгляд, внимательно наблюдавший за собеседниками с

противоположного угла церковного двора. Смотрела ее мать, и взгляд этот был гораздо холоднее обычного.

Воскресный обед всегда проходил в замке. Семья собралась в гостиной, у ярко пылающего камина, чтобы согреться стаканом шерри или большой порцией виски «Джеймсон» после пробирающего холода в церкви и поездки назад.

Незамужние сестры леди Деверилл тоже всегда были здесь. Они приезжали в открытой двуколке, и ленты на их шляпах неистово развевались на ветру, пока тетушки, склонив головы друг к другу, были поглощены беседой. Руперт вечно приходил один, уже слегка навеселе, и очаровывал других гостей своих родителей, вместе с которыми за обеденным столом собиралось до двадцати человек. Сегодня, однако, тут были только члены семьи, и Китти сидела в самом конце стола, рядом с сестрами, полностью игнорировавшими ее. К удивлению девочки, отец обратился прямо к ней.

— Китти, моя дорогая, поедem нынче со мной кататься. Я бы хотел узнать, как у тебя дела.

Элспет повернулась и пораженно уставилась на сестру. Отец редко приглашал кого-либо с собой на прогулку.

— Тебе уже пора ездить вместе со взрослыми, да? Больше не будешь томиться в детской, девочка

моя. Сколько тебе теперь, восемь?

— Девять, — ответила Китти.

— Девять, неужели? Куда летит время? Я был вдвое младше тебя, когда охотился с гончими.

— Как интересно! — воскликнула Хейзел.

— Да, действительно, — согласилась Лорел. — Только проследи, чтобы ей подобрали спокойного пони, Берти. В детстве я чудом осталась жива после того, как мой норовистый пони Ворсянка сбросил меня в канаву. Ты помнишь, Хейзел?

— Конечно! — рассмеялась ее сестра.

Губерт сразу принялся рассказывать свою любимую историю о забавном случае на охоте, и в общем разговоре о Китти снова забыли. Но сердце девочки взволнованно колотилось в груди при мысли о том, что она поедет кататься вместе с отцом. Она гадала, поедет ли мама с ними, но затем пришла к выводу, что нет. В конце концов, это было спонтанное решение, идею явно подсказала леди Роуэн-Хэмптон. А мать редко ездила верхом. Когда это происходило, она всегда наряжалась в свою черную амазонку и шляпу с прозрачной черной вуалью до самого подбородка.

Китти любила ездить верхом. Она обожала дикие скалистые холмы, хищных птиц, что парили над головой, журчание ручьев и грозный шум прибоя. Ей было любопытно узнать большой мир за

пределами ее собственного закрытого, тесного мирка, откуда она старалась вырваться при любой возможности. Сейчас девочка неспешно ехала на прогулку вместе с отцом: он — на рослом гнедом жеребце, она — на маленьком сером пони по кличке Трехпенсовик.

— Куда мы направляемся? — спросила Китти, когда они ехали по длинной аллее, вдоль которой шевелили голыми ветвями высокие деревья.

— Куда бы ты хотела поехать? — с улыбкой спросил в ответ отец, глядя на нее добрыми глазами.

— К Ведьминому Кругу, — ответила Китти.

Берти удивленно выгнул бровь. Он хорошо знал это место, но оно его не интересовало.

— Ну, если хочешь...

— Я езжу туда с бабушкой.

— Не сомневаюсь, — рассмеялся отец. — Вы танцуете там среди камней в полнолуние?

— Конечно, — серьезно ответила девочка. — Мы превращаемся в волков и воем.

Берти изумленно уставился на нее. Долгое мгновение дочь удерживала его взгляд, не отводя своих странных серых глаз. Затем ее лицо расплылось в ухмылке, и Берти, к собственному облегчению, понял, что она шутит.

— Какое у тебя чувство юмора для восьми-то лет!

— Девяти, — решительно поправила его Китти.

Он покачал головой и подумал, как это необычно, что его дочь столь неестественно взрослая для такого маленького ребенка. Грейс была права, когда читала ему нотацию. Не стоит его младшему ребенку томиться в одиночестве в детской с суровой шотландской гувернанткой. Он прекрасно знал: Мод не интересуется девочкой, но не удосужился разобраться в степени ее пренебрежения. Теперь испытывал чувство вины. Ему следовало вмешаться раньше.

«Ты слабый человек, — отчитывала его Грейс, и ее слова больно задели Берти. — Твое нежелание идти на конфронтацию дало повод Мод считать, будто ей дозволено все. Теперь настал час взять на себя ответственность, Берти, и сделать с этим хоть что-то».

— Тогда давай отправимся к Ведьминому Кругу, и ты сможешь показать мне, что вы с моей матерью вытворяете, оставаясь наедине, — сказал он, и Китти одарила его такой улыбкой, что он подумал: стоит почаще приглашать ее составить ему компанию.

Ведьминим Кругом называли древнее мистическое место, группу из семнадцати больших серых валунов, расположенных на вершине холма, откуда открывался чудесный вид на мозаику полей,

тянувшуюся до самого океана. В дрожащих сумерках там виднелись коттеджи, тонкие ленточки дыма, поднимающегося из труб в домах фермеров, когда те разводили огонь в очагах и собирались вокруг него всей семьей, чтобы согреться.

— Все это территория Девериллов, — сказал Берти, окидывая взглядом огромные просторы полей на много акров вокруг. — До того, как по акту Уиндема арендаторы смогли выкупить собственные угодья, у нас было в десять раз больше земли. Наша семья чудесно жила и процветала более двухсот лет, но такой жизни когда-нибудь придет конец и наше сокращающееся в размерах имение в один прекрасный день не сможет обеспечивать нам тот образ жизни, к которому мы привыкли. Не думаю, что мисс Грив рассказывала тебе *об этом*.

Китти покачала головой. Ее отец понятия не имел, как разговаривать с девятилетним ребенком.

— Так я и предполагал, — уныло подтвердил Берти. — А о чем она тебе рассказывала?

— О Великом лондонском пожаре и чуме.

— Тебе пора узнать что-нибудь о твоём собственном наследии.

— Бартон Деверилл? — с жадностью спросила она.

Отец улыбнулся.

— Ты уже знаешь о нем. Конечно, ты должна

знать о своих предках, но также тебе стоит знать о борьбе ирландских националистов за независимость, Китти. Ирландский народ не хочет быть под властью Британии. Они намерены сами править своей страной.

— Я знаю об этом, — сказала она, вспомнив рассказы Брайди. — Они недовольны тем, что вся власть у британцев и налоги слишком высокие.

Он удивленно поднял брови.

— Значит, ты уже кое-что знаешь?

Китти понимала, не следует рассказывать о своих играх с детьми-католиками и об их патриотических разговорах.

— Я знаю, что ирландцы не любят нас, хотя мы тоже ирландцы.

— Мы *англо* -ирландцы, Китти.

— Я — нет, — сказала девочка. — Я не люблю Англию.

— Но именно Англия позволила тебе жить здесь. Начнем с того, что, если бы не Карл II, Бартон Деверилл никогда не получил бы эти земли.

— Они принадлежали О'Лири, — сказала она смело.

Прежде чем ответить, Берти, сощуриив глаза, задумался, как будто стараясь высказаться потактичнее.

— Земли, на которых он построил замок, действительно принадлежали семье О'Лири.

— Они хотят получить их обратно?

— Я уверен, они хотели в свое время, Китти. Но это все произошло более двухсот лет назад. Лиам О'Лири — ветеринар, как был его отец до него. Они много поколений не занимались земледелием.

— Значит, никакой борьбы?

— Да, никакой борьбы.

— Тогда вы — друзья?

Он смущенно заерзал в седле, подумав про обидчивую жену Лиама.

— Ну да, мы довольно миролюбиво общаемся.

— Тогда есть вероятность того, что Деверилл и О'Лири все-таки когда-нибудь поженятся?

— Думаю, это маловероятно, — сурово произнес Берти. — Ты наслушалась историй своей бабушки, так? Ее рассказы очень занимательны, Китти, однако важно, чтобы ты понимала: они просто занимательны, но не имеют ничего общего с реальностью. Они как греческие мифы либо ирландские легенды наподобие «Детей Лира». Ими наслаждаются, но не воспринимают их буквально. Так что же вы с бабушкой здесь делаете? — Он указал хлыстом на скалы.

— Это было древнее место поклонения язычников, — доверительно сказала Китти. — Каждый из этих камней — человек, на которого

наложили проклятие: днем он живет в виде камня, а когда солнце садится, все они оживают.

— Очень интересно, — промолвил Берти, которого совершенно не занимала магия. Мысли мужчины переключились на бутылку джина и весело потрескивающий огонь, что ждали его по возвращении.

— Разве ты не хочешь увидеть это? — Китти повернулась лицом к солнцу. Оно уже наполовину спряталось за горизонтом, там, далеко в море, окрасив вечернее небо насыщенными алыми и золотыми тонами.

— В другой раз, — ответил он терпеливо, понимая, что Мод была в чем-то права, когда жаловалась, что Китти проводит слишком много времени, обсуждая с бабушкой всякие глупости.

Они отправились обратно, вниз по склону. Вечер был холодным, но от размокшей тропинки поднимался густой запах влажной земли и вереска, наполняя февральский воздух обещанием весны. Время от времени куропатка или заяц выскакивали из дроба из-под ног их лошадей. Многочисленное стадо коров подошло поближе. Животные уставились на них своими большими карими глазами, издавая благодушное мычание. Китти была в восторге от всего этого, она хотела задержаться здесь как можно дольше и не возвращаться в скучную детскую, чтобы снова

обедать один на один с мисс Грив.

Но, когда она поднялась в свою комнату и увидела там мисс Грив в ее строгом глухом платье, закрывавшем все, кроме бледного лица и кистей, гувернантка сообщила девочке: сегодня ее ожидают за общим столом к ужину.

— Я не могу представить, почему они вдруг захотели тебя позвать, — укоризненно произнесла мисс Грив. — Ведь до сих пор почти не вспоминали о твоём существовании.

— Это потому, что мне уже исполнилось девять, а папа думал, будто мне восемь, — ответила Китти. — Вот наивный!

— Надеюсь, ты не забудешь о своих манерах. Меня там не будет, чтобы одергивать тебя.

— Мне не нужны никакие замечания, мисс Грив. Я буду вести себя как юная леди.

— Не задирай нос, моя девочка. Ты еще не юная леди. Так куда ты ездила со своим отцом?

Не стоит упоминать о Ведьмином Круге, сообщила Китти. Как-то на волне энтузиазма она рассказала гувернантке, что видела, как оживают камни, но получила за это хлесткий удар стеком по ладоням. Больше девочка никогда не забывалась.

— Мы проехали вверх по холмам. Это было восхитительно.

— Ну, не слишком привыкай к таким прогулкам. Не думаю, что он когда-нибудь снова

позовет тебя с собой. Мне кажется, он предпочтет компанию мисс Виктории; в конце концов, она теперь молодая женщина. О, весной она уедет в Лондон, и больше мы ее не увидим, не сомневаюсь. Такая привлекательная девушка, как она, найдет себе хорошего мужа. Потом наступит черед и мисс Элпет, и только ее тут и видели. А вот ты... — Мисс Грив, опустив свой длинный нос, уставилась на Китти. — Бедняжка. Тебе вряд ли повезет так, как сестрам, с твоими-то недостатками. И не смотри на меня таким взглядом. Когда ты вот так кривишься, то становишься еще менее привлекательной.

Китти надела свое лучшее платье и сжала кулачки, так как мисс Грив принялась распутывать ее волосы.

— Если бы это зависело от меня, я бы их совсем отрезала, — сказала гувернантка, яростно дергая завиток волос в особо чувствительном месте на виске Китти. — К чему такие мучения, коль самое простое решение — это ножницы!

Когда Китти была готова, она побежала вниз, оставив мисс Грив ужинать в одиночестве, наедине с ее собственным скверным настроением. Остановившись перед зеркалом на лестничной площадке, девочка вперила взгляд в свое отражение. Неужели она действительно столь уродлива? Неужто леди Роуэн-Хэмптон просто

пожалела Китти по доброте душевной, похвалив ее внешность? И, если она так непривлекательна, действительно ли это имеет столь большое значение? Тогда она подумала о бабушке и улыбнулась. Бог наградил ее красивой душой. А мисс Грив просто слепа и не может этого видеть.

Глава 5

Был воскресный вечер. Торф безбожно дымил в очаге старой миссис Нэгл. Она посасывала глиняную трубочку и задумчиво перебирала четки. Над очагом висел большой черный казан, где тушилось рагу из картофеля и пастернака. От казана поднимался густой пар, смешиваясь с клубами дыма очага. Старуха в черном платье сидела на привычном месте у огня. Худая, сгорбленная, давно потерявшая все зубы, она жевала беззубыми деснами. Ее внучка, Брайди, послушно помешивала рагу деревянной ложкой, и от насыщенного соленого запаха живот девочки урчал, словно голодный пес. Миссис Дойл заняла место в собственном кресле-качалке напротив своей матери, прислушиваясь к тому, о чем говорили ее муж и сыновья, и сосредоточенно что-то штопая. Два старших брата Брайди, Майкл и Шон, сидели с отцом за деревянным столом и тихо о чем-то вели беседу. Мерцающий огонек свечи, горевшей на

столе, искажал серьезные лица. Загрубевшие натруженные руки сжимали оловянные кружки с крепким пивом. Время от времени до Брайди долетали обрывки их разговора. Она много раз слышала эти беседы. Они говорили о том, как члены тайного общества фениев ⁶ поднялись против британского владычества, беспокоились, ведь приходилось работать на аристократов, поэтому их могут посчитать шпионами или предателями, и что тогда?

Брайди уже давно знала: ирландцы борются за свою независимость и недолюбливают англичан. Эти разговоры доносились до нее из кухни вместе с запахами пива и табака, когда она засыпала наверху. Ее отец с друзьями засиживались до позднего вечера, неосмотрительно громко обсуждали все это, попивая пиво за игрой в карты. Она видела экземпляры газеты «Шинн Фейн» ⁷,

⁶ Фении (*англ.* Fenians) — члены тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества. (*Примеч. пер.*)

⁷ «Шинн Фейн» (*англ.* Sinn Féin) — название ряда ирландских политических организаций, ведущих свое происхождение от одноименной левой националистической партии, созданной в 1905 г. Артуром Гриффитом. (*Примеч. пер.*)

спрятанные у Майкла под кроватью, но ей было трудно понять их содержание. Ее отец, Томас Дойл, будучи трезвым, проявлял мудрость. Случалось, он спорил по поводу того, что лорд Деверилл, в отличие от многих других, был добрым и милосердным землевладельцем, а к Шону и миссис Дойл, работавшим в замке, относились очень хорошо. И разве не правда, что, когда в прошлый раз случился сильный неурожай картофеля, предыдущая леди Деверилл устроила кухню на одном из сенных амбаров, тем самым избавив многих местных от голодной смерти? Всем известно, что ни один из арендаторов Девериллов, слава Богу, не умер от голода и не был вынужден отправляться на этих плавучих гробах в Америку, спасаясь от гибели. Но Майкл, старший брат Брайди, которому было почти девятнадцать, теперь обрабатывавший землю вместе с отцом, хотел, чтобы британские протестанты убирались прочь, какими бы хорошими ни являлись для своих арендаторов. Это было дело чести и принципа. Ирландия должна принадлежать ирландцам, страстно настаивал он, а британские протестанты пусть возвращаются в свою Англию, где им самое место.

— Привилегия выкупать наши земли? Что это вообще за привилегия такая, выкупать землю, которую у нас украли? — спрашивал он, стуча по

столу. Его длинные черные волосы упрямо падали на лоб. — Они украли больше, чем земли. Они лишили нас нашей культуры, нашей истории, нашего языка и образа жизни.

Брайди слышала, как их голоса становятся все громче, как каждый из них пытается убедить другого, и ей становилось страшно за Китти и их тайную дружбу, которой она так дорожила. Девочка надеялась, что, если когда-либо в Баллинакилле и возникнут какие-то проблемы, Девериллы не пострадают от рук повстанцев, потому что всем известна их щедрость и доброта по отношению к местному населению.

Брайди расстроилась, что сегодня Китти не пришла повидаться с ней. Обычно подруга сидела на стене, окружающей территорию замка, и, встретившись, они вместе убегали поиграть с местными детьми в пикки. Китти называла эту забаву «классиками», но все равно играла в нее. Такая уж эта девочка, Китти, если ей интересно, она с удовольствием вступает в игру, не раздумывая, можно ли ей водиться с католиками или нет. И ей все равно, что один из этих детей из семьи О'Лири.

Когда Брайди думала о Джеке О'Лири, его ленивом взгляде и ручном ястребе на плече мальчика, она чувствовала, как в животе становилось щекотно, словно бабочки размахивали крыльями. Джек был высоким и красивым, с

густыми каштановыми волосами и водянисто-голубыми, будто ирландское небо зимой, глазами. Высокомерная ухмылка играла на его губах. Он всегда насмехался над девочками, когда наблюдал за их детскими играми. Но было в Джеке и хорошее. Он любил всех Божьих тварей, от скрытных пауков до послушных осликов, и большую часть своего времени проводил с животными. Бывало, под вечер Джек лежал на земле, ожидая барсуков, оставлял еду для бродячих собак и наблюдал за птицами в Бухте Контрабандистов. Как-то в январе он взял с собой Брайди и Китти, чтобы понаблюдать за семейкой мышей в сарае за его домом. Они больше часа стояли не двигаясь, как статуи, пока мыши носились по деревянному полу, словно у них были крошечные колесики вместо лап, и поедали семена, которые приготовил для них Джек. Этот случай связал девочек с Джеком, будто заговорщиков, и с того раза они вместе отправлялись бродить по округе в поисках приключений. Китти была смелой и бесстрашной, ее интересовали все существа, которых показывал им Джек. А вот Брайди пугали насекомые и противные ползучие волосатые гусеницы, и ее иногда приходилось уговаривать. Джек обычно смеялся над опасениями Брайди и говорил:

— Все животные хороши, если смотреть на

жизнь с их точки зрения, даже вонючие крысы. Ведь у всех у них есть Богом данное право быть на этой земле. — И Джек принимался рассказывать о жизни с точки зрения крысы, а Брайди изо всех сил старалась отнестись к этим существам благожелательно.

Но сегодня и Джека тоже не было. Его отец, Лиам О'Лири, ветеринар, начал брать мальчика с собой, когда ездил осматривать лошадей, страдающих коликой, раненных в драках собак и захромавших овец. В местности, подобной Баллинакиллу, где было полно живности, у ветеринара всегда хватало работы. Поэтому Брайди провела день с другими детьми, которых она не любила так сильно, как Китти, и которыми не восхищалась настолько, как Джеком.

Брайди любила Китти словно сестру, коей у нее никогда не было, но порой девочке казалось, что подруга немного «странная» с этими своими вечными разговорами о призраках. Возможно, она слишком увлеклась собственными фантазиями, потому что ей было так одиноко, ее держали в детской, в компании мрачной мисс Грив. Брайди содрогнулась, представив себе, будто все эти призраки существуют.

— Не забывай помешивать, Брайди, — резко сказала мать, оторвавшись от шитья.

Девочка не заметила, как ее рука замерла, и

снова принялась помешивать рагу.

— Она просто замечталась, — с досадой произнесла старая миссис Нэгл, покачав головой.

Брайди подумала, что бабушка не высказывалась бы так о *ней*, если бы услышала, что иногда говорила ей Китти.

После чая миссис Дойл объявила: пора приступать к молитвам, и Брайди опустилась на колени на пол рядом с отцом и братьями, как делала каждый вечер, положила локти на стул, переплела пальцы и склонила голову. Старая миссис Нэгл осталась сидеть на своем стуле и бормотала слова молитвы, шамкая беззубым ртом.

— О Господь, разомкни губы мои, — торжественно произнесла миссис Дойл.

— И язык мой будет проповедовать правду Твою и возносить хвалу Тебе всякий день, — вторили они хором.

Потом миссис Дойл читала молитву, которую она помнила так хорошо, словно та была выбита у нее в сердце. Заключительная часть оказалась короткой: поспешная молитва о друзьях и родственниках, лорде и леди Деверилл, которые были добры и справедливы.

После молитвы в их дом, как обычно, начали сходиться все соседи, со скрипками и самогоном, что тайно гнал старый Бэджер Ханратти из картофельных очисток в стожке за своим домом.

Самогон получался удивительно высокого качества. Вскоре компания запела. Брайди любила сидеть со своей пахтой ⁸, слушать ирландские народные песни и наблюдать, как, вспоминая прошлое, роняют слезы сентиментальные старики. Иногда они танцевали «Осада Энниса»⁹ и мать, бывало, кричала: «Давайте, парни, два круга по кухне, и Бога ради, не заденьте шкаф!» Или отец подхватывал мать, и они начинали кружить в танце по комнате, притопывая и азартно хлопая по столу ладонями. Красное лицо миссис Дойл светилось от удовольствия, и она выглядела будто юная девушка, которую обхаживает особо рьяный поклонник.

Отец Брайди был грубоватым человеком с жесткими черными волосами и густой темной бородой. Девочка сомневалась, узнала бы она его, если бы в один прекрасный день он вернулся домой гладко выбритым. Отец был невысоким, но сильным как бык, и горе любому, кто осмеливался пойти против него в драке. Он побеждал во многих потасовках в пабе, при этом своротив не одну

⁸ Пахта — обезжиренные сливки, побочный продукт, получаемый при производстве масла из коровьего молока.

⁹ Ирландский танец, исполняемый как джигга.

челюсть и выбив не один десяток зубов. Он быстро впадал в гнев, но так же без промедления раскаивался. И в те несколько раз, когда поднимал руку на своих сыновей, тотчас падал на колени в приступе раскаяния. Непрерывно осеняя себя крестными знаменами, призывая в свидетели Пресвятую Деву Марию, он клялся, что этого больше никогда не повторится. Пьянство было его проклятием, однако доброе сердце — его благословением, и ему следовало только найти между ними золотую середину.

Вдруг отец пробрался через всю комнату и подошел к дочери. Девочка подумала, что он отправит ее спать, но вместо этого он протянул ей руку и сказал: «Сегодня я буду танцевать с моей Брайди». И потянул ее, заставляя встать. Заметив, что все смотрят на нее, Брайди смутилась и зарделась как маков цвет. Но ей не нужно было переживать о движениях — она довольно часто наблюдала, как танцуют старшие девочки. Отец кружил ее по кухне, как делал это с миссис Дойл, и, кружась, Брайди видела море улыбок — а среди них улыбку матери, нежный взгляд смягчил черты ее утомленного лица. Потом наступил черед братьев, и Брайди, которая раньше была лишь зрителем, теперь оказалась в центре их внимания, поэтому сердце ее млело от удовольствия.

В ту ночь Брайди едва могла уснуть от

возбуждения. Мысли девочки витали далеко, пока она, перебирая четки, читала молитвы. Это был такой замечательный вечер! Брайди не представляла, чтобы у Китти случались такие вечера, когда она танцевала бы с собственным отцом. К тому же подруга очень редко видела своего брата, учившегося в какой-то школе в Англии. На мгновение Брайди почувствовала превосходство. Она упивалась им, позволяя теплomu ощущению затмить ее зависть. Она старалась не сравнивать свою жизнь с жизнью Китти, но недавно Брайди стала лучше осознавать разницу между ними. Возможно, это объяснялось высказанными с обидой замечаниями ее брата Майкла или тем, что девочки теперь чаще проводили время вместе. В любом случае Брайди смогла больше и подробнее узнать о жизни Китти, и это знание заставило ее задаться вопросом, почему подруга имела так много, а она, Брайди, — так мало.

Она слышала голоса внизу; ее отец и братья играли в карты, мистер Ханратти, перебравший самогона собственного изготовления, громко храпел, уснув в мамином кресле-качалке. Одинокaя скрипка выводила навязчивую мелодию, аккомпанируя печальным словам баллады «Эйлин из Роон». Это была знакомая усыпляющая колыбельная, и Брайди вскоре заснула.

Она резко проснулась на рассвете от громкого стука в дверь. Было еще темно, но небо на востоке уже налилось кровавой краснотой. Стук был настойчивым. Девочка села на кровати, гадая, кто мог прийти в эту пору. Вскоре она услышала тяжелые шаги отца по лестнице и почувствовала, как порыв холодного ветра, словно один из змей, коих святой Патрик изгнал из Ирландии, скользнул в дверь ее комнаты. Она поежилась и плотнее закуталась в одеяло. Мгновение спустя дверь захлопнулась и послышались шаги вверх по лестнице. В доме снова стихло, слышно было только, как под полом шуршат мыши да ветер стонет за окном.

— Па, кто там стучал в дверь сегодня утром? — спросила она отца, спустившись к завтраку.

— Никто, — ответил он, громко отхлебнув чай.

Старая миссис Нэгл перекрестилась.

— Это банши постучала первый из трех раз, спаси нас Бог, — сказала она мрачно.

Миссис Дойл побледнела и перекрестилась, а потом окропила комнату святой водой из бутылочки из-под лимонада, стоявшей у двери.

— Скорее приходил бродяга, — фыркнул Шон.

— Кто бы это ни был, когда я открыл дверь,

его уже и след простыл, — добавил Томас Дойл.

Брайди отрезала кусок хлеба из пресного теста и намазала его толстым слоем масла. Ей не понравилось выражение испуга на лице матери, и она старалась не смотреть на нее.

— Это была банши, — настаивала старая миссис Нэгл, она снова перекрестилась.

— Господи, сохрани нас от банши! — пробормотала миссис Дойл.

— Говорю тебе, женщина, никого не было у двери. Шон прав. Наверняка приходил бродяга, искал, где бы погреться у очага. Пойдем, а то опоздаем на мессу. — Отец встал.

Брайди отогнала невеселые мысли о банши, плач которой, по свидетельству легенд, люди слышали, когда кто-то должен был умереть. Но плача же не было, значит, мать и бабушка всполошились напрасно.

Когда она шла по улице к школе, то, к своему облегчению, увидела старую облезлую лошаденку, тянущую тележку, полную чумазых ребятишек. Позади телеги были привязаны тощие козы, а сверху виднелись один или два козленка. Черноголовые, одетые в рваные обноски дети опасливо таращились на Брайди, когда та прошла мимо повозки, но их мать что-то кричала своему мужу, поэтому даже не заметила девочку. Бродяги-поденщики, с радостью подумала Брайди.

Отец оказался прав. Они, наверное, полночи стучались то в одну, то в другую дверь в поисках теплого ночлега. Брайди ускорила шаг. Отец предупреждал ее никогда не доверять бродягам и не смотреть им в глаза.

Школа Пресвятой Богородицы в Баллинакилле была открыта в церкви, но к счастью, отец Куинн не занимался преподаванием. Брайди учила монахиня из Корка, которую звали сестра Ханна, добрая и смиренная.

— При помощи учебы мы совершенствуем себя, — сказала она как-то в классе, где училась Брайди. — Единственный путь выбраться из нищеты — это учеба. Поэтому слушайте внимательно то, чему я вас учу. У вас могут отобрать все, что вы имеете, однако никто не в силах отнять ваше сердце, ваш разум и любовь к Господу. Только эти вещи поистине имеют значение.

Брайди очень старалась, а вот Джек О'Лири, учившийся в классе для мальчиков в соседней комнате, просто смотрел в окно, наблюдая за птицами.

В конце дня Брайди и Джек нашли Китти на ее обычном месте, на стене. Но на этот раз она стояла на одной ноге, неподвижно, словно цапля.

— Что ты делаешь? — спросил Джек.

— Балансирую, — ответила Китти.

— Зачем?

— Просто так. Ради развлечения. Это довольно трудно. А ты что делаешь?

— Джек должен завтра в школе рассказать о птицах, — заметила Брайди. — В наказание за то, что глядел в окно во время урока.

— Но это ведь совсем не трудно, — удивилась Китти. — Джек все знает о зуйках и бакланах!

— Да, и я дам сестре Маргарет урок, который она никогда не забудет, — рассмеялся мальчик.

— Разве ей не известно, что ты знаток в этом деле? — спросила Китти.

— Завтра она узнает, — подхватила Брайди, вспыхнув от восхищения.

— Забирайтесь наверх, попробуйте держать равновесие! — воскликнула Китти. — Это гораздо труднее, чем кажется. Давайте!

Джек, словно обезьянка, вскарабкался на стену, пока Брайди осторожно искала опору. Вскоре мальчик протянул руку и втащил ее наверх.

— Только не упади, — предупредил он ее, и Брайди с опаской посмотрела вниз.

— Я не уверена, что смогу это сделать, — сказала она.

— Конечно сможешь. Вот так. — Он поднял ногу. — Это просто! — радостно воскликнул Джек. — Теперь ты так сделай.

Но только Брайди собралась поднять ногу, как

они слышали голоса где-то за деревьями у себя за спиной. Дети торопливо спрыгнули со стены — даже Брайди, которая боялась высоты, и присели, чтобы их не заметили.

— Кто это? — зашипел Джек. — Вы кого-нибудь видели?

Китти и Джек поднялись и посмотрели поверх стены. Там, прячась за деревьями, несколько каких-то оборванцев крались по территории лорда Деверилла. Джек потянул Китти вниз, заставляя пригнуться.

— Бродяги, — сердито проворчал он. — Они сегодня утром проехали по деревне.

— Я тоже их видела, — сказала Брайди, довольная, что может вставить словечко в разговор. — Что им здесь нужно?

— Дичь, — мрачно сказала Китти. — Они хотят что-нибудь поймать на обед.

— Я бы сказал, не только это. Нам надо предупредить лорда Деверилла! — взволнованно воскликнул Джек.

— Идите за мной, — подхватила Китти. — Я знаю короткую дорогу к замку.

Трое друзей украдкой прошмыгнули вдоль стены, пока не дошли до ворот на ферму, через которые было легко перелезть. Дети резво припустили по грунтовой дорожке и вскоре добрались до конюшни в задней части

Хантинг-Лодж.

— Что такое? За вами сам дьявол гонится, да? — спросил мистер Миллс, возившийся во дворе перед конюшней с лошадью и коляской, так как леди Деверилл только что вернулась из города.

— Там, в лесу, бродяги, — выпалила Китти, пытаясь отдышаться.

— Они что-то дурное задумали, мистер Миллс, — добавил Джек.

— Мы пришли, чтобы сказать лорду Девериллу! — нетерпеливо выкрикнула Брайди.

— Ну-ка, погодите. Бродяги в лесу, значит?

— Да, мы должны сказать дедушке, — настаивала на своем Китти, надеясь, что дед достанет ружье и начнет палить в них из окна собственной гардеробной.

— Нет нужды беспокоить лорда Деверилла, — возразил мистер Миллс. — Я возьму несколько парней, и мы разберемся с ними сами. Так где они?

— Мы вам покажем, — сказала Китти, взволнованно перепрыгивая с ноги на ногу. — Скорее, пока они не ушли!

— Мисс Китти, вам лучше остаться здесь. Это может быть опасно, — заявил мистер Миллс.

— Тогда я точно должна пойти! — настаивала Китти. — Я не боюсь каких-то там бродяг.

— Ваш дедушка не скажет спасибо, если вы пострадаете.

Китти сердито надулась.

— Но я хочу пойти.

— Тут вы будете в безопасности, — твердо промолвил мистер Миллс.

Китти осталось только наблюдать за тем, как он с Джеком и Брайди отправились в заросли вместе с Шоном Дойлом, братом Брайди, а также несколькими конюхами и загонщиками, прихватившими с собой палки и дубинки. Рядом со старшим братом Брайди чувствовала себя намного смелее. Подобно своему отцу, Шон был невысоким, но сильным и бесстрашным, к тому же глубоко преданным семье Девериллов. Если на земли лорда Деверилла прокрался вор, Шон непременно заставит его убраться прочь и так напугает, что тот никогда больше не вернется.

Пройдя через обнесенный стеной огород, мимо теплиц леди Деверилл, они вышли на другую сторону выгула, где в лучах заходящего солнца лениво паслись лошади. Приблизившись к лесу с восточной стороны, прошли к тому месту, где дети видели бродяг. Под сенью деревьев было сумрачно, холодно и сыро. Они двигались тихо, как кошки, прислушиваясь к каждому шороху.

Внезапно наткнулись на этих бродяг, оборванных, немых, немного диких. Женщина несла за шеи двух фазанов и куропатку, в то время как мужчины стояли, глядя в кусты, вероятно,

заметив там еще что-то, что стоило поймать. Один из фазанов в руках женщины, как поняла Брайди, был до сих пор жив — периодически птица била крыльями в тщетной попытке спастись. Девочка взглянула на Джека и увидела, что лицо его исказилось от возмущения. Когда бродяги заметили мистера Миллса с компанией людей, они развернулись и застыли, будто звери, попавшие в ловушку и не знающие, куда бежать. Прятать украденное не было смысла, их поймали с поличным. Двум тощим мужчинам и одной женщине не по силам тягаться с мистером Миллсом и его дюжими помощниками.

— Вы незаконно проникли на земли лорда Деверилла, — сурово произнес мистер Миллс.

— Земли лорда Деверилла? Ну, мы не знали, — ответил один из мужчин, ухмыляясь беззубым ртом.

— Я настоятельно прошу вас положить этих птиц и немедленно уйти.

Мужчины, сузив глаза, снизу вверх окинули взглядами мистера Миллса, словно решая, стоит ли вступать с ним в драку. Шон поднял повыше вилы, выражение его лица не сулило им ничего хорошего. Они хмуро велели женщине бросить птиц.

— Будь вы прокляты! — завизжала она на мистера Миллса, но его не тронули бессильные крики бродяжки.

— Немедленно убирайтесь, пока мы не вызвали полицию и вас не посадили за решетку, — сказал он с уверенностью человека, за которым стоит владелец земли.

Женщина нехотя бросила птиц на землю, и все трое медленно пошли прочь.

Мистер Миллс потрепал Джека по голове.

— Ты хорошо поступил, парень, — сказал он. — А где Брайди? Она должна быть где-то здесь. — Мистер Миллс вглядывался в сумрак леса в поисках девочки. Когда заметил, что она спряталась за спиной брата, кивнул в знак признательности. — Ты тоже, Брайди. Я расскажу лорду Девериллу. Уверен, он захочет вознаградить тебя.

Глаза Брайди расширились, и она перехватила взгляд Джека.

— А теперь бегите по домам, а то становится так темно, что не увидишь даже собственного носа.

Наступил вечер, он принес с собой ледяной ветер. Джек и Брайди вприпрыжку возвращались в Баллинакилл. Они пережили настоящее приключение и надеялись получить щедрую награду от лорда Деверилла. Когда подошли к городу, то к собственному ужасу лицом к лицу столкнулись с бродягами, готовившими своих коней к отъезду. Оглянувшись по сторонам, дети увидели, что на улице никого, только из окон

таверны О'Донована, расположенной напротив, лился золотистый свет. Увидев детей, женщина указала на них пальцем и крикнула что-то оскорбительное — на диалекте, которого ни Джек, ни Брайди не поняли. Прежде чем Джек успел сообразить, что происходит, он получил мощный удар в челюсть и упал навзничь в грязь: один из бродяг изо всех сил ударил мальчика кулаком. Брайди закричала, так громко и пронзительно, что в пабе тотчас распахнулась дверь, и свет упал на неподвижно лежащего на земле мальчика. В это мгновение из таверны выскочил Томас, отец Брайди. Один из нападавших уже отвел руку назад, чтобы точно так же ударить девочку, но Томас схватил его за плечо и врезал кулаком по носу. Кровь хлынула из носа, заливая лицо бродяги, и он отпрянул, приземлившись в грязь. Между тем другой зашел за спину Томаса и выхватил нож. Одним резким ударом он вонзил лезвие между ребер отца Брайди.

Внезапно поднявшийся ветер донес откуда-то из лесной чащи пронзительный вопль банши.

Глава 6

Весь Баллинакилл был глубоко потрясен подлым убийством Томаса Дойла. Миссис Дойл так страшно и громко кричала, что превзошла даже

саму банши. «В молодости я была на регате в Бантри, — говорила она, прижимая платок к носу, — и одна бродячая старуха предрекла мою судьбу. Она сказала, что жизнь моя будет юдолью плача и скорби. Как же она оказалась права, прости, Господи!»

Брайди была раздавлена случившимся. Она не только потеряла любимого папу, но считала виновной в этом себя. Если бы не пошла с мистером Миллсом и его парнями, бродяги бы ее не увидели. Если бы она не закричала так громко, отец не выбежал бы из паба. О, если бы она тогда не отправилась к стене искать Китти, ничего бы не случилось и отец был бы еще жив! Шон успокаивал ее как мог, но она была безутешна.

Майкл обвинил их обоих в безрассудстве.

— Вы оба — приспешники англичан! Несколько фазанов лорда Деверилла — за жизнь отца! — кричал он, и его смуглое лицо синело от ярости. — Стоило оно того? Он же вам говорил: никогда не смотреть на бродяг!

Глаза старой миссис Нэгл оставались сухими. Она видела столько смертей в страшные времена голода, что выплакала весь запас слез. Но в ее тощей груди сердце обливалось кровью за дочь, потерявшую мужа. Она хотела знать, прочитал ли кто-нибудь молитву о прощении грехов у остывающего тела Томаса, чтобы душа его обошла

чистилице и попала сразу в рай, но успокоить старую женщину было некому.

Бродягу, виновного в убийстве, арестовали прямо на месте преступления. Его, вероятно, должны были приговорить к повешению. Но это мало утешало миссис Дойл.

— Виселица слишком хороша для такого, как он, — сказала она глухим дрожащим голосом. — Пусть его душу заберет дьявол, гореть ему в аду целую вечность, спаси нас, Господи!

Томас Дойл лежал на кухонном столе два дня. Миссис Дойл открыла окно, дабы душа его могла отлететь. Две старухи, известные как две Нелли, мисс Нелли Клиффорд и мисс Нелли Моксли, пришли в своих белых платьях и синих платках, чтобы обмыть тело. Пригласили отца Куинна — провести обряд помазания. Он явился в своей длинной сутане, седые волосы развевались на холодном ветру, на красном лице читалось негодование от того, что жизнь одного из его прихожан прервал какой-то нетрезвый вор. Высокому священнику пришлось наклоняться, когда он входил в коттедж.

— Он был хорошим человеком, — сказал святой отец миссис Дойл, опускаясь рядом с ней на колени. Всхлипывающая женщина сидела в своем кресле-качалке у очага, сжимая в руках четки. — Он теперь с Господом, Мэрайя. А человек, который

это сделал, будет вечность гнить в аду.

Его голос был непривычно мягким и нежным, и Брайди от удивления даже перестала плакать. Она видела, как мать смотрит на священника большими горящими глазами и лицо ее расслабляется в блаженной улыбке, будто его слова буквально сняли горькое бремя с ее сердца и сменили его уверенностью, что ее дорогой Томас сейчас пребывает с Девой Марией и ангелами. Коль отец Куинн сказал это, так оно и должно быть, ведь отцу Куинну известен замысел Божий!

— Майкл, — произнес священник, возвышаясь над сыновьями Томаса. — Ты теперь глава семьи. Шон, ты должен помочь ему на земле. Ты нужен здесь. А ты, Брайди? — Он обратил властный взгляд на дрожащую девочку. — Ты будешь помогать бабушке по дому, пока не подрастешь и не станешь достаточно взрослой, чтобы работать в замке с матерью.

— Да, святой отец, — тихо ответила она.

Он положил свою тяжелую руку на ее плечо.

— И это не твоя вина. Ты понимаешь?

— Да, святой отец, — промолвила девочка, она не могла остановить слезы, заливающие щеки.

— Ты должна быть сильной ради своей матери. Майкл! — обратился он к парню, и его тон снова стал суровым и безразличным.

— Да, святой отец?

— Тебе не следует никого обвинять. Каждое действие имеет свои последствия, и нам никогда не дано знать, какие именно. На все воля Божья, и мы не должны ставить ее под сомнение.

— Да, святой отец, — послушно ответил Майкл, пряча жажду мести за непроницаемым взглядом темных глаз.

Леди Деверилл принесла корзину еды. Она почтила память Томаса Дойла, посидела с миссис Дойл и миссис Нэгл, постаралась утешить их как могла.

— Вы знаете, миссис Дойл, — начала она, ласково глядя на вдову сквозь клубы дыма от глиняной трубки миссис Нэгл, — мы ведь не столько человеческие существа, владеющие духовным опытом, сколько духи, имеющие опыт жизни в человеческом теле. Ваш Томас всегда будет рядом с вами. То, что вы его не видите, вовсе не означает, что его тут нет. Он сейчас состоит из света, как радуга, и он теперь в лучшем из миров.

— Воистину, Томас с Господом, леди Деверилл, и я спокойна за него, — ответила миссис Дойл.

Аделина протянула Брайди обувную коробку.

— А это от лорда Деверилла. Награда для тебя, Брайди, за твою смелость. Я знаю, это не вернет твоего отца, но даст тебе хоть какое-то утешение.

Когда она ушла, Брайди открыла коробку. Там лежали блестящие черные лакированные туфельки для танцев с большими серебряными пряжками. Девочка изумленно ахнула. Брайди никогда не носила туфель, подошвы ее ног были твердыми как камень. С замирающим сердцем она тотчас обула их.

— Прекрасные туфли, Брайди, — мягко сказал Шон, надеясь, что Майкл не испортит момент и не станет обвинять ее в том, что она получила выгоду от того происшествия, которое привело к смерти отца. Но Майкл прислушался к словам отца Куинна и прикусив язык мрачно сидел на стуле.

Сердце Брайди учащенно застучало, на мгновение вернув девочку к жизни. Это первые в ее жизни туфли. Они были чуть великоваты, что оказалось очень кстати, значит, прослужат дольше. Она неуклюже прошлась по кухне, цокая, словно подкованная лошадка, стараясь привыкнуть к весу обуви после свободы босых ног, чувствуя, как твердая кожа сдавливает ступни. Но Брайди не могла оторвать глаз от своих ног. Эти туфельки — самое прекрасное, что у нее когда-либо было.

Вскоре стали собираться соседи и друзья, чтобы почтить память усопшего. Миссис Дойл предложила им табак, виски и угощения из корзинки, принесенной леди и лордом Деверилл.

Лиам О'Лири пришел вместе с женой, Джулией, и Джеком, на щеке которого красовался фиолетовый синяк. Он снял с головы картуз и печально покачал головой, глядя на тело бедного Томаса Дойла. Джулия, считавшая, что она слишком важная особа, чтобы входить в столь скромное жилище, прижала к носу платочек и слегка скривилась, увидев тело погибшего, при тусклом свете свечей похожего на восковую фигуру.

Лиам О'Лири пробыл недолго. Он выпил, отдал дань уважения покойному и, уходя, окропил себя святой водой из бутылочки, которую миссис Дойл всегда держала у входной двери вместе с пучком веточек с Вербного воскресенья. Джулия проигнорировала воду, ей хотелось как можно быстрее оказаться подальше от этого жуткого коттеджа и лежащего в нем мертвого тела.

Брайди была рада видеть Джека. Девочка выразила сожаление по поводу его ужасного синяка — гораздо более искреннее и глубокое, чем его мать. Он сразу же заметил ее новые туфельки.

— Лорд Деверилл подарил мне бигля¹⁰, —

¹⁰ Бигль — порода собак среднего размера, внешне схожих с фоксхаундом, но мельче, с более короткими ногами и длинными ушами.

сказал он ей. — Мать хочет, чтобы я отдал его назад.

— Почему? — потрясенно спросила Брайди.

— Не знаю, но она не любит Девериллов.

— Ты отдашь собаку?

Мальчик дерзко улыбнулся.

— Не надейся, Брайди. Награда есть награда, и я ее заслужил. — Он провел пальцами по пострадавшей челюсти.

— Больно? — спросила Брайди.

— Конечно больно. — Джек оглянулся на тело Томаса, лежащее на столе, и покачал головой. — Но мне повезло, что я остался жив, Брайди. Бедный твой отец, упокой, Господь, его душу!

На следующий день весь город вышел на похороны. На небе сияло ясное солнце, словно душа усопшего вынудила тучи разойтись.

— Счастлив тот покойный, над которым светит солнце, — повторяли люди, направляясь в церковь Всех Святых.

Все лавки в храме были заняты, каждый дюйм свободного пространства. Полная достоинства, миссис Доил, в черных платье и шали, сидела на первой скамье вместе с семьей, между двумя сыновьями. Брайди — рядом с Шоном. На ногах у нее были блестящие новые туфельки. Отец Куинн прочитал прочувствованную проповедь, превознося

Томаса за его трудолюбие и доброе сердце, ставя его в пример остальным прихожанам. Он не заострял внимания на его вспыльчивости и любви к выпивке.

— Господь всегда забирает лучших, — чуть слышно пробормотала мисс Нелли Моксли.

— Воистину, я и сама жду, когда Он призовет меня к себе, — прошептала в ответ мисс Нелли Клиффорд. — Уже недолго осталось ждать. Я уже одной ногой в могиле.

Томаса похоронили на кладбище рядом с теми прихожанами, которые ушли на тот свет раньше его. Брайди было трудно поверить, что отец теперь лежит в сырой земле и она больше никогда не увидит его добрых глаз, не почувствует его успокаивающего присутствия. Хотя Майкл был уже взрослым и мог выполнять работу отца, девочка все же чувствовала, будто прежде прочная, незыблемая основа ее существования превратилась в зыбкую болотистую почву. Ей будет не хватать утешительной уверенности в том, что отец любит ее. На глаза наворачивались слезы, когда она вспоминала, как ехала рядом с ним в повозке, чтобы отвезти масло в Корк на масляную биржу. *«Ирландия, — гордо говорил отец, — кормит маслом всю империю».* Она слышала его голос, как если бы он шептал ей прямо на ухо. *«Не обращай внимания на гром, Брайди. Это всего лишь бочки на*

небе перекатываются». Девочка тихо заплакала.

Когда Аделина рассказала Китти печальные новости о Томасе Дойле, та ахнула в ужасе и прижала руку к открытому рту.

— Я дала ей пару туфель в качестве награды за сообщение о браконьерах, но это вряд ли ее обрадует, учитывая случившуюся трагедию, — сказала леди Деверилл.

Китти сидела рядом с бабушкой на диване в ее теплой гостиной и думала о своей подруге Брайди.

— Похороны были сегодня, — продолжала Аделина. — Думаю, весь Баллинакилл собрался на них. Его все любили, — задумчиво добавила она.

— Я бы хотела сходить на похороны, — сказала Китти.

— Дорогая моя, это было бы невозможно. Надо сохранять такт.

— Но Брайди — моя подруга.

— Да, это так, однако многие посчитают, что она поступает дурно, водясь с нами.

— Почему, бабушка?

— Потому что люди сильно обижены, Китти. Покоренные народы всегда таят обиду на покорителей. Это же вполне естественно, правда? Немало ирландских католиков имели собственные земли, их отняли — и отдали англичанам...

— Как О'Лири, — вставила Китти.

— Конечно, моя дорогая, как О'Лири, —

сокрушенно вздохнула бабушка. — Поэтому они желают вернуть себе свои уголья, хотят, чтобы англичане убирались прочь, жаждут независимости. Естественно, с подозрительностью относятся ко всем, кто общается с англичанами. Это значит — с нами, Китти. Брайди не хотелось бы, чтобы ее семья и друзья подумали, будто она их предала, верно?

— Я бы точно захотела вернуть свои земли, если бы их кто-то отнял.

— Конечно, — Аделина снисходительно улыбнулась внучке, гордясь ее сообразительностью. — Но если бы О'Лири получили назад свои земли, у нас не было бы замка Деверилл и всего, что к нему прилагается. То, что свершилось, нельзя переделать без серьезных последствий. Хорошо, что мы живем в нынешнем мире и не слишком задумываемся о зверствах прошлого. В конце концов, мы должны существовать вместе и находить общий язык.

— Бедная Брайди, — вздохнула Китти.

— Я знаю, жизнь у нее невеселая. Терять близких людей, которых мы любим, — это само по себе тяжело, но еще хуже, если не знаешь, что они не уходят насовсем, а просто становятся невидимыми.

— Ты ведь никогда не оставишь меня, да, бабушка? — простодушно спросила Китти.

Аделина обняла ее за плечо и крепче прижала к себе.

— Ты же знаешь, что не оставлю, моя дорогая. Более того, ты убедишься в этом, потому что сможешь видеть меня. Это редкий и чудесный дар.

Китти побежала в сад, все ее мысли были о Брайди. Солнце приятно грело кожу, воздух наполнял сладкий аромат волчегодника. Девочка изучила каждый сантиметр бабушкиного сада, поэтому быстро добралась до гамамелиса, желтые цветы которого источали успокаивающий, целебный запах. Она нарвала небольшой букетик и перевязала его веревочкой, найденной в теплице. Когда он был готов, пошла в конюшню, чтобы найти мистера Миллса.

— Мистер Миллс, мистер Миллс! — крикнула Китти через конюшенный двор.

Мистер Миллс появился в дверном проеме конюшни, держа в одной руке тряпку, а в другой крем для полировки кожаных изделий.

— Чем могу помочь, мисс Китти?

Девочка, пробежав по мощенному булыжником двору, приблизилась к слуге и протянула ему букет.

— Я хотела бы, чтобы вы отдали это Брайди. Миссис Дойл и Шона здесь нынче нет, а ей непременно нужно передать букет сегодня.

Мистер Миллс огорченно покачал головой.

— Ужасное дело. Бедная малышка Брайди так рано потеряла отца!

Он пошел внутрь конюшни, и Китти последовала за ним. Там пахло лошадыми, сеном и навозом. Двое парней сидели на табуретах. Закатив рукава, они сильными мускулистыми руками натирали кожаную сбрую. На мгновение прекратили работу, чтобы посмотреть на девочку. Если бы вместо Китти вошла леди Деверилл или любая женщина из их семьи, они бы вскочили на ноги, но Китти была ребенком, она довольно часто бегала вокруг и вместе с Брайди Дойл, поэтому парни не пошевелились.

Мистер Миллс, отложив тряпку и крем, разыскал пыльный кувшин в амуничнике¹¹. Он опустил его в бочку с водой и взял цветы из рук Китти.

— Я буду проходить мимо сегодня под вечер и зайду почтить память. Они постоят пока в кувшине. Уверен, она будет вам очень признательна, мисс Китти.

— Это наименьшее, что я могу сделать. Она мой друг, мистер Миллс, — смело сказала девочка,

¹¹ Амуничник — здесь: помещение для хранения конской сбруи.

оскорбленная тем, что его удивил ее поступок. — Мой лучший друг.

С того самого дня, когда Китти отправилась на верховую прогулку с отцом, ее наконец освободили из заточения в детской. Теперь ей позволяли присоединяться к семье во время трапез. Мод с подозрением следила за ней с противоположного края стола. Было нечто тревожное, настораживающее в бесстрашном взгляде ребенка, что заставляло Мод чувствовать себя виноватой. Необычно большие глаза странного оттенка серого, как у волка или какого-то другого дикого зверя, какого, Мод затруднялась сказать, смотрели ужасно дерзко. Словно Китти, как и Аделина, могла заглянуть в скрытые тайники ее души и узнать все ее секреты. Мод держалась настороженно, хотя девочка была слишком мала, чтобы понять причины холодности матери. Она пробовала поговорить с младшей дочерью так, как говорила бы с Викторией и Элспет, но эти глаза, казалось, смеялись над ее попытками вести светские беседы, как будто Китти забавляло то, насколько усердно мать пытается найти совпадения во мнениях, когда между ними нет и намек на взаимопонимание.

— Мисс Грив, я бы хотела, чтобы вы научили Китти некоторому смирению, — наставляла Мод гувернантку после одного особенно неудачного

обеда. — У нее дурная привычка нагло глазеть на людей. Честно говоря, это невежливо. Девочки ее возраста должны научиться опускать глаза и не смотреть на людей так пристально.

— Я займусь этим, миссис Деверилл, — ответила мисс Грив.

— Пожалуйста, позаботьтесь об этом, иначе Китти снова придется обедать в детской.

К своему облегчению, Мод заметила, что за следующим обедом Китти не поднимала глаз от тарелки. Однако она была слишком хитра, чтобы позволить себя запугать, и вскоре поняла, что может смотреть на остальных вполне открыто; только мать вздрагивала, когда ловила на себе взгляд дочери. Но какой бы хитрой, какой бы негибаемой Китти ни была, ее глубоко ранило враждебное отношение со стороны матери.

Мистер Миллс прислонил свой велосипед к беленой стене дома семьи Дойл и толкнул дверь. Старая миссис Нэгл сидела в своем обычном кресле, поддерживая жар в очаге тонкими веточками, пока в печной трубе коптилась рыба. Миссис Дойл застыла в своем кресле-качалке, пришивая черную траурную полоску на рукав куртки Майкла. В полутемном коттедже было тепло и пахло едой, отчего у мистера Миллса заурчало в животе.

— Добрый день, миссис Нэгл и миссис

Дойл, — сказал он, сняв шапку, и церемонно склонил голову.

— Хотите чаю? — спросила миссис Дойл. — Брайди нальет вам. Чайник еще горячий.

Мистер Миллс, обернувшись, увидел бледное лицо девочки, появившейся из затененного уголка. Ее большие скорбные темные глаза делали личико маленьким и несчастным. На пряжках туфельек блеснуло отражение огня в очаге.

— Какие замечательные туфли, Брайди, — сказал он.

Улыбка на секунду осветила лицо ребенка, и девочка с любовью взглянула на туфельки.

— Подарок от леди Деверилл, — ответила она тихо.

— Ты заслужила его. — Он протянул ей букетик. — Это тебе от мисс Китти.

Брайди с благодарностью взяла цветы и поднесла к носу. Ее глаза наполнились слезами. От такого проявления доброты со стороны подруги девочка на миг потеряла дар речи.

— Она сказала, что очень важно, чтобы я отдал тебе их именно сегодня. — Сердце мистера Миллса разрывалось при виде несчастного ребенка. — Она сказала, ты ее лучший друг.

Брайди несмело улыбнулась и кивнула. Мистер Миллс увидел, как девочка судорожно сглатывает, пытаясь справиться с эмоциями.

— Почему бы тебе не сделать мне чашку чаю? — спросил он ласково, давая ей время успокоиться.

Она порывисто кивнула и пошла ставить цветы в воду.

— Жизнь продолжается, — промолвила миссис Дойл, сидевшая у очага. — Мистер Дойл теперь с нашим Господом, а мы должны работать так же, как и раньше. Он не хотел бы, чтобы мы впадали в отчаяние, не правда ли?

— Совершенно верно, миссис Дойл, — согласился с ней мистер Миллс.

— Ну, значит, не будем больше лить слезы. — Она поджала губы и вернулась к своему шитью.

Брайди, подав чашку мистеру Миллсу, пошла к бабушке, чтобы и ей налить чаю.

— Я нахожу утешение в Брайди и мальчиках, — сказала миссис Дойл, глядя на дочь с такой нежностью, которую мистер Миллс никогда раньше не замечал. — Мистер Дойл очень гордился своими детьми, мистер Миллс. Майкл и Шон — трудолюбивые парни, а Брайди скоро подрастет и станет работать на леди Деверилл. Мы справимся, правда, Брайди? Мы должны быть благодарны. У нас есть крыша над головой и добрый хозяин. Мало кто может похвастаться этим.

Брайди, усевшись за стол, поставила банку с букетом посередине. Цветы словно источали

дружбу и понимание, успокаивали боль в сердце и наполняли пропахший дымом коттедж приятным ароматом. Она думала о Китти, представляла ее лицо, как будто та сидит напротив нее, глаза подружки ярко и пугающе поблескивают в свете свечи. Брайди словно слышала ее голос, ей казалось, что они разговаривают. *«Твой отец по-прежнему с тобой, Брайди. Ты должна поверить, что он рядом с тобой. Те, кого мы любим, всегда рядом с нами».* И Брайди, которая прежде сомневалась, что Бартон Деверилл действительно сидел в кресле в башне замка, теперь изо всех сил желала верить, что ее дорогой отец просто стал невидимым. Она хотела быть столь же уверенной, как Китти, иметь такой же дар видеть мертвых. И больше, чем когда-либо, ей хотелось повернуть время вспять, чтобы отец, живой и невредимый, вернулся домой.

Майкл был не таким человеком, который будет спокойно сидеть и молиться. Он жаждал отомстить, и эта жажда снедала его. Смерть убийцы на виселице — недостаточная расплата за гибель Томаса Дойла. Весь поселок заплатит за преступление, решил он. *«Око за око, зуб за зуб»*, — мрачно подумал парень. Горе и ненависть теперь перестали быть разными эмоциями, они слились в единую мощную силу злобы, подогретую алкоголем. Пробираясь сквозь заросли к каравану

потертых разбитых повозок, которые стали лагерем посреди поля, он порадовался, что лик луны закрыли тучи и, возможно, даже Господь отвернулся, оставив его самого наблюдать за тем, как вершится справедливость.

Майкл добрался до повозок. Он был доволен, ведь бродяги еще не уехали прочь. Вероятно, они остались в надежде, что в последнюю минуту человека, приговоренного к повешению, помилуют. Майкла это не волновало. Он бесшумно отвязал лошадей. Послушные животные тихо заржали, но не двинулись с места. Он зажег факел и потом от него еще четыре, которые принес с собой. Пробравшись к повозкам, просунул горящие факелы в прорехи старых кибиток. Огонь быстро вспыхнул, жадно пожирая соломенные подстилки и плотную ткань покрытия. Поднявшиеся крики заглушали треск огня. Люди посыпались из горящих повозок, как крысы. Это послужит им хорошим уроком, удовлетворенно подумал Майкл. Пробираясь в темноте прочь от горящего лагеря, он обернулся посмотреть на огромный костер, пылающий в центре поля, что отбрасывал яркий свет на траву и кусты колючей изгороди. Но когда повернулся, чтобы уйти, до него донесся женский крик, и сердце в груди похолодело. «Помогите! Помогите! Моя маленькая Норин! Моя крошка Норин!»

Никто не сомневался, что Майкл Дойл виновен в пожаре, на котором погиб ребенок бродяжки, но ни один житель Баллинакилла не упомянул его имени, когда полиция проводила допросы. Майкл Дойл — необузданный и опасный парень, способный одним тяжелым взглядом черных глаз вогнать человека в дрожь, и не нашлось ни единого смельчака в Баллинакилле, желавшего вызвать его гнев. Более того, весь город сплотился вокруг него с миссис Дойл, а старая миссис Нэгл и Баджер Ханратти подтвердили: в ту ночь он сидел в коттедже у очага. Но мучения Майкла только начинались. Норин была шепотом в его кошмарах, пятном на его совести, и его вина с каждым днем глубже врезалась в сердце, все больше ожесточая его.

Глава 7

В середине августа после дублинского конного шоу, которое обычно проходило в первую неделю последнего месяца лета и было непреложным атрибутом ирландского календаря, кузен Дигби Деверилл вместе с семьей покинули свои владения в Уилтшире и прибыли в замок Деверилл. Они привезли с собой столько багажа, что его хватило бы на целый год. Сэр Дигби и его жена, броская, колоритная Беатрис, на целых

четыре недели остановились у Мод и Берти в Хантинг-Лодж со своими четырьмя избалованными, невыносимыми детьми. Силия являлась ровесницей Китти, близнецы Леона и Вивьен — одногодками Элспет, а их сын Джордж был немного младше Гарри и учился в том же колледже в Итоне. Родители Дигби, Сток Деверилл, который происходил от младшего брата Бартонна, и его жена Огаста, остановились у Губерта и Аделины. Все они приехали из Англии, как делали ежегодно, с тяжелыми чемоданами, набитыми теннисными ракетками, костюмами для верховой езды, вечерними нарядами, дневными платьями, туфлями для танцев. Они были готовы к теннисным вечеринкам, летним балам, званым обедам и ленчам, коими славились англо-ирландские семьи. С ними прибыла целая свита из камеристок, камердинеров и гувернантки Силии, мисс Спрингер.

Это было любимое время года Китти. Ей нравилось выскальзывать из лап собственной воспитательницы, кроме того, они с Силией и Брайди создавали секретный клуб и шпионили за взрослыми. Острая наблюдательность Китти означала, что от нее ничего невозможно скрыть, и девочки постоянно могли наслаждаться такой игрой. Изюминкой череды развлечений был летний бал в замке Деверилл, на который в пышных

экипажах и шелковых бальных платьях съезжался весь высший свет западного Корка. Танцы длились до самого рассвета. И даже Китти и Силии разрешили не ложиться спать.

Из-за чрезмерного количества алкоголя взрослые потеряли бдительность, и это позволило двум девочкам бродить по замку, проникать во все уголки и наблюдать за происходящим. Шпионки слонялись по комнатам никем не замеченные и часто становились невольными свидетелями того, что взрослые предпочли бы скрыть от них.

Мод едва выносила Беатрис, этакую женщину-суфле, с большой грудью, большим сердцем и очень большой коллекцией роскошных бриллиантов, подаренных ей ее предприимчивым мужем, что сколотил целое состояние на алмазных коях в Южной Африке. За заслуги перед короной королева Виктория посвятила Дигби в рыцари, и это бесило Мод еще больше, потому что Беатрис была не только богата, но и титулована. По мнению Мод, Беатрис представляла собой нахалку, ей явно не хватало воспитания, а отцу Китти Дигби нравился по причине того, что был большим энтузиастом. Он едва мог ездить на лошади, но все равно скакал галопом по холмам и всякий раз при падении катался со смеху. Он не мог правильно забросить удочку, при этом готов был часами пытаться удачи на море и не расстраивался, если к

концу дня единственным его уловом оказывалась старая бутылка из-под рома со старинного затонувшего пиратского корабля. Он привез с собой свои лучшие кубинские сигары, и виски, и вино в больших корзинах, а Беатрис дарила девочкам шелка и кружева самых роскошных цветов. Они были экстравагантной, любящей, шикарной парой, но Китти любила их за тот смех, который супруги приносили в их дом.

Джордж, Леона, Вивьен и Силия были избалованы и с сомнительным налетом превосходства задирали свои изящные дерзкие носы. Девочки всегда приезжали в толстых пальто и шапках, плотно кутая плечи в шерстяные шали, громко жалуясь на холод и торопясь прильнуть к камину, словно приехали из тропических стран. Беатрис привозила запасные одеяла на кровати и мягкие носочки для озябших ног.

— Это настоящее приключение! — восклицала она, обращаясь к дочерям, когда те жаловались на влажное белье и слабый, но легко узнаваемый запах мышей в спальнях.

Однако вскоре их увлекал ирландский образ жизни, танцы ночь напролет, игра в крокет на безукоризненно подстриженном газоне, теннис на травяном корте, пикники на пляжах в прекрасную погоду, званые обеды в замке в обществе местной аристократии. Глядя на эксцентричное поведение

своих двоюродных братьев вкупе с их чудаковатыми друзьями, они хихикали, прикрывая рты ладошками. Очень скоро за Леоной и Вивьен стали ухаживать ирландские юноши, поскольку девушки были не только белокуроыми красавицами, но и богачками, а для обедневшего англо-ирландского общества притягательность английских денег испокон веков была неодолимой. Силии больше всего нравилось находиться в гуще событий, и замок Деверилл предоставлял интриги и возможности для смелых проделок, о которых она только и могла мечтать. В Китти девочка нашла идеальную партнершу для своих проказ. В глазах ребенка, легко впадавшего в скуку и склонного к хандре, кухня Китти выглядела неутомимым источником активности и веселья.

Виктория весьма успешно провела сезон в Лондоне. Она жила с кузинами в их роскошном итальянском доме Деверилл Хаус на Кенсингтон-Пэлас Гарденс. Девушка вернулась в графство Корк с таким налетом изысканности и утонченности, словно уже выросла из Ирландии и всего, что с ней связано, и теперь принадлежала миру бальных залов Лондона с обществом мелкопоместного дворянства и аристократии. Она разочарованно вздыхала, глядя на морось и сырость, точно так же, как Леоны и Вивьен, и начинала бóльшую часть своих фраз словами «А

вот в Лондоне...», подразумевая, что там все было гораздо лучше. Виктория получала письма от поклонников и громко зачитывала их вслух матери и Беатрис, которые с неумемным энтузиазмом рассуждали, кто из графов или лордов мог бы составить ей наилучшую партию. Китти закатывала глаза, удивляясь, почему никогда не принималось во внимание то, нравится ли сестре тот или иной поклонник.

Китти была симпатична Силия, несмотря на все ее капризы. Кузина имела тягу к развлечениям, как и ее отец, и присущее матери озорство, поэтому она была не прочь поиграть с Брайди, которую находила весьма интересной по причине забавного акцента и странного запаса слов. Вскоре после приезда кузины Китти, Брайди и Силия собрались в одной из бабушкиных теплиц среди томатов и винограда.

— Виктория очень довольна собой, с тех пор как вернулась из Лондона, — сказала Китти, жуя листок дикого щавеля.

— Я слышала, она говорила маме, что не хочет больше жить в Ирландии, — заметила Силия. Она сорвала с ветки фигу и стала осматривать ее на предмет наличия насекомых.

— Я была бы очень рада за нее и Элпет, если бы они уехали жить в Лондон. Они мне совсем не нравятся. На самом деле маме они тоже не

очень-то нравятся. Она любит только Гарри. — Китти понизила голос и мрачно добавила: — А вы знаете, что я должна была быть мальчиком?

— Откуда тебе известно об этом? — спросила Силия.

— Слышала, как мама разговаривала с леди Роуэн-Хэмптон в гостиной. Она сказала: «Если бы Китти была мальчиком...»

— Так она тебя совсем не хотела? — ахнула Силия, открыв рот.

— Я уверена, она хотела, — перебила ее Брайди, которая в присутствии Силии старалась помалкивать.

— Нет, не хотела. Мое появление ее сильно расстроило. Когда-нибудь, когда у меня родится девочка, я буду ее очень любить, — ухмыльнулась Китти, потому что ей не нравилось жалеть саму себя. — Давайте сделаем что-нибудь по-настоящему коварное.

— О, давайте! — Силия захлопала в ладоши. С Китти жизнь всегда полна азарта и озорства.

— Вероятно, если мы найдем самца лягушки, Виктория может поцеловать его в надежде, что он превратится в принца. Как вы считаете? — засмеялась Китти — Давайте поищем, вдруг найдется.

— Где бы нам найти его?

— Внизу, у реки. Если мы пойдем к пруду,

заросшему лилиями, то нас увидят, — ответила Китти. — Как думаешь, Брайди?

— Если только мне не придется его трогать, — серьезно промолвила девочка. — От лягушек появляются бородавки.

— Это бабушкины сказки, Брайди, — сказала Китти. — Идемте! Последний, кто прибежит к реке, — тухлое яйцо!

Три девочки ринулись через сад. Когда они добрались до стены, Силия стала жаловаться, что она испачкает платице.

— Разве тут нет ворот?

— Нет, если мы хотим остаться незамеченными, — ответила Китти.

Силия вздохнула, наблюдая, как Китти, словно ящерица, карабкается вверх, и Брайди, платье которой уже запачкалось, так что ей не о чем было беспокоиться, не отстает от нее. Силия стиснула кулаки и выпятила нижнюю губу.

— Я не могу! — воскликнула она. — Мне придется рискнуть и пройти через ворота.

— Нет, ты должна залезть на стену. Это несложно, — настаивала Китти.

Но Силия не двигалась. Она скрестила руки, лицо ее от негодования покрылось красными пятнами.

— Ты не сможешь меня заставить!

В этот момент за их спинами слышались

шаги и шелест опавшей листвы. Китти резко обернулась, ожидая увидеть, что те бродяги-браконьеры снова решили забраться на территорию замка. Она с облегчением узнала веснушчатое лицо Джека, ухмылявшегося из-под картуза. Его бигль трусил рядом с хозяином.

— А, вот вы где! — воскликнул он. — А я вас ищу.

— Я думала, это снова бродяги, — призналась Китти.

— Нет, они не осмелятся войти в эти леса после того, как... — Он заколебался, его глаза метнулись к Брайди, которая почти сливалась со стеной в своем коричневом платье, словно тощая куропатка.

Лицо Брайди осветилось, когда она увидела Джека. Девочка грязной рукой откинула со лба спутанные волосы.

— Силия не хочет лезть на стену, — промолвила Китти.

— Ну же, Силия. Я помогу, — сказал Джек.

Он легко вскочил на стену и протянул руку. Силия, нехотя приняв его помощь, позволила ему втянуть ее наверх. Расправив платье, она осмотрела его на предмет пятен. Джек рассмеялся.

— А что вы задумали?

— Мы собираемся найти лягушку, — сказала Брайди.

— Хотим дать лягушонка Виктории и посмотреть, не превратится ли он в прекрасного принца, если моя сестра его поцелует, — пояснила Китти, хихикая.

— Вы будете с ним осторожно обращаться, ладно? — озабоченно спросил Джек.

— Мы вернем его туда, где нашли, я обещаю.

— Тогда я покажу вам, где найти лягушку. Идите за мной.

В этот момент ручной ястреб Джека спикировал вниз и уселся на толстую защитную перчатку.

— Он охотился на кроликов и мышей, — сказал Джек. — Но пока ничего не нашел.

— Это из-за папы с кузенком Дигби и парней. Они убивают все, что движется, — пояснила Китти.

Джек повел их через высокую траву к расщелине на склоне холма, где вода стекала в море. Тут, среди папоротника и мха, было сыро и сумрачно. Брайди стояла позади Китти, пока та присела у ручья. Она не хотела подходить слишком близко, если вдруг лягушка выпрыгнет из воды. Джек стоял посреди потока, уперев руки в бока, и осматривался вокруг. Мальчика больше волновал его ястреб, а не ловля жаб. Силия осталась на мостике и периодически кричала: «Ну что, нашла?»

Наконец Китти заметила небольшую оливково-бурую лягушку среди камней у кромки

воды. Ахнув от волнения, она осторожно взяла ее и положила на сложенную лодочкой ладошку.

— Джек! — прошипела девочка. — Я нашла лягушку!

Джек заглянул в ее ладонь.

— Поймала? — Силия подпрыгивала от нетерпения.

— Это маленькая, — сказал Джек. — Ты знаешь, что она меняет цвет, чтобы слиться с окружающей средой?

— А она станет розовой, чтобы слиться с моей кожей? — спросила Китти.

— Нет, на смену цвета потребуется часа два. Она может стать желтой, если дать ей время. Ее надо держать на подстилке из листьев, а не на руке. Ты можешь ей навредить. — Наклонившись, он начал искать подходящую подстилку.

Брайди осторожно заглянула в руку Китти.

— Она холодная и скользкая, да? — спросила девочка.

— Скорее мягкая и влажная, — радостно ответила Китти.

Джек помог ей усадить лягушку на большой лист.

— Тебе придется вытаскивать меня наверх, Джек. Одна моя рука теперь занята.

Мальчик, рассмеявшись, сгреб Китти в охапку.

— Ты вешишь, как мешок картошки, — сказал он, шагая вверх по берегу ручья.

Брайди смотрела на них с завистью. Ей хотелось бы, чтобы Джек и *ее* понес вверх по берегу. Но она сама выкарабкалась из расщелины и увидела, как Китти показывает лягушку Силии. Кузины близко склонили головы, одна рыжая, вторая белокурая, но обе в похожих нарядах и с одинаковым акцентом. Вдруг Брайди охватила гордость, что хотя бы Джек — из ее мира, а не из их. Ее с Джеком объединяла общая культура, а Китти и Силия были совсем другими — англичанки и аристократки. Может, Джеку и нравится Китти, но ему никогда не позволят считать ее ровней.

— Брайди, ты найдешь, куда нам посадить лягушку? — спросила Китти, когда они вернулись в замок, пытаясь не выдать себя виноватыми взглядами перед прошедшим мимо лакеем.

Китти знала, их ждут на ленч. Сестры и матери, наверное, уже собрались в гостиной вместе с Аделиной и бабушкой Силии, Огастой.

Брайди исчезла, однако через мгновение вернулась с коробкой из-под шоколадного ассорти, купленного Беатрис в «Хэрродс» в Лондоне. Семья расправилась с этими конфетами прошлым вечером.

— А где ты собираешься ее поставить? —

спросила Брайди.

— Не знаю, — ответила Китти, устраивая лягушку внутри коробки на подстилку из листьев. — Я подумаю об этом, когда мы будем там, за столом.

— Леона и Вивьен умрут от страха! — возбужденно воскликнула Силия. — Не могу дождаться увидеть их лица.

— А я не могу дождаться увидеть лица Виктории и Элспет. И мамы. Не будем забывать о маме, — хихикнула Китти. — Она ненавидит всех гадов и грызунов больше всего на свете. Давайте в следующий раз поймаем мышку и подбросим ей в кровать!

Китти и Силия, вымыв руки и умывшись, пригладили волосы. Прежде чем пробраться в хозяйскую половину по лестнице для слуг в холле, Китти положила коробку из-под шоколадных конфет на столик позади большого букета лилий.

— Здесь она будет в безопасности какое-то время, — уверенно сказала девочка, взяв Силию за руку.

Они с невинным видом вошли в гостиную, где дамы, сидевшие на диванах и в креслах, были заняты разговорами за бокалом шерри. Девушки сбились стайкой в углу и тихо переговаривались между собой, а мужчины стояли у камина и курили.

— Ах, вот и маленькие дьяволята, — сказал

Губерт, с гордостью наблюдая, как внучка идет по комнате — подол платья заляпан грязью, непослушные рыжие волосы вылезли из-под лент и упали на лицо.

— Чем вы двое занимались?

Китти остановилась перед ним.

— Ничем, дедушка. Мы были в оранжерее, — ответила она.

— Без сомнения, они планировали какой-то заговор, — со смешком добавил кузен Дигби.

Мод бросила взгляд со своего места на диване, и лицо женщины омрачила тень раздражения, когда она заметила грязное платье Китти, но, прежде чем смогла открыть рот, Аделина протянула руку.

— Китти, дорогая. Иди сюда и скажи мне, чем вы занимались все утро. Похоже, ты рыла яму в саду.

Китти подошла к бабушке, взглянула на свои грязные туфли и поняла, что мать крайне недовольна ею.

— Мисс Грив пренебрегает своими обязанностями, — сказала Мод ледяным тоном, глядя на аккуратную и чистую Силию.

Аделина рассмеялась.

— Не думаю, что в этом есть вина бедной мисс Грив. Полагаю, гувернантке нелегко разыскивать этого ребенка по всей округе. Как тебе

удалось так измазаться, в то время как Силия осталась чистой?

— Я не знаю, — ответила Китти, взглянув на Силию в немой мольбе хранить молчание.

— Ты похожа на своего дедушку, — сказала Аделина. — Он просто не может не лезть в грязь!

Кузина Беатрис с энтузиазмом вступила в дискуссию:

— Силия превращается в настоящую дикарку, как только приезжает в замок Деверилл. Я удивлена, что *ее* платье осталось чистым. Наверное, тут какой-то особый воздух, но каждое лето здесь, в Ирландии, — это настоящее большое приключение, не так ли, Силия? Приключение, которого мы все ждем с огромным нетерпением.

— Подозреваю, этот год будет моим последним, — угрюмо перебила ее Огаста.

Бабушка Силии была статной женщиной с густыми седыми волосами, собранными на макушке, большой обвислой грудью, на которой в море черных кружев сверкало изумрудное кольцо, и широкими артритными бедрами. В сравнении с этой высокой крупной женщиной ее муж выглядел настоящим карликом. Он был низкорослым и щедушным, на маленьком лице выделялись лишь пышные белые усы. Излюбленной темой для разговора Огасты являлась смерть, и не чья-то, а ее собственная.

— Я провела всю жизнь, заботясь обо всех, кроме самой себя, и вот сейчас мне остались одни сожаления и разбитые надежды. Вот бы снова стать молодой! — вздохнула она. — Будучи девочкой, я думала, что старость никогда не наступит, но теперь скоро испущу свой последний вздох. — Она не заметила, как Леона и Вивьен закатывают глаза. — Если услышите какие-то звуки посреди ночи — не волнуйтесь, это я говорю с Господом.

— Глупости, Огаста. Ты еще всех нас переживешь, — сказала Аделина, которая, похоже, обладала неистощимым терпением, коль дело касалось Огасты.

— Я говорила Стоку: когда придет мой час, я не хочу никакой суеты. Просто скромную церковную панихиду в присутствии лишь близких и друзей.

— Не думаю, что тебя это будет волновать, Огаста, — возразила Аделина. — В тот момент ты окажешься далеко.

— Моя дорогая Аделина, — Огаста сжала ей руку, — я доверяю тебе проследить, чтобы Сток не тратил денег понапрасну. Ты же его знаешь. Я женщина скромная, мне не нужны пышные церемонии. Я покину этот мир тихо и мирно, как прожила всю жизнь.

Наконец дворецкий объявил, что обед подан, и члены семьи стали выходить из гостиной. Элспет

и Виктория пошли первыми, сразу за ними двинулись Леона и Вивьен. Сток покорно помог жене, когда она поднялась с кресла, тяжело опираясь на трость и с большей осторожностью на своего сублильного супруга. Китти, подхватив Силию, поспешила в холл, чтобы забрать коробку из-под конфет. Но стоило им добраться до столика, и девочки, к своему ужасу, обнаружили, что она исчезла.

— Что нам теперь делать? — прошипела Силия. — Она может оказаться где угодно!

— Должно быть, ее унес кто-то из слуг, — вздохнула Китти.

— Как ты думаешь, они ее выбросили?

— Не знаю. Ах, боже мой! Как это неудобно!

— Может, спросим кого-нибудь?

— Пойдемте, девочки, — сказала Беатрис, направляясь в сторону столовой. — Бьюсь об заклад, вы обе проголодались. Или вы что-то ели в теплице?

— Нет, мама. Мы очень голодны, — ответила Силия.

Китти нехотя вошла в столовую с Силией и кузиной Беатрис, стараясь не беспокоиться о судьбе бедной лягушки и своем обещании Джеку.

Взрослые расселись на одном конце стола; во главе, как всегда, сидел Губерт, а его внук Гарри занял место с другой стороны, в окружении своих

юных сестер и кузин. Скучая в обществе девиц, он переговаривался через стол с Джорджем, обсуждая планы на вторую половину дня. Китти гоняла еду по тарелке. Все, о чем она могла думать, — это несчастная лягушка. Виктория и Элспет смотрели на нее и улыбались, как будто они знали что-то, чего не знала младшая сестра. Вдруг Китти увидела коробку. Она стояла прямо перед матерью. Кровь отхлынула от лица девочки, и она поняла, что сестры обнаружили коробку по пути в столовую. Китти поймала взгляд Элспет, но та отвела глаза, прежде чем младшая сестра успела прожечь ее яростным взглядом.

Только когда дело дошло до десерта, Мод взяла в руки коробку. Китти побледнела, увидев, что мать удивленно уставилась на коробок.

— Беатрис, ты нас балуешь этими вкусными конфетами! — И тут она открыла коробку.

У Китти перехватило дыхание. Элспет и Виктория торжествующе ухмылялись.

Силия, тоже понявшая все, покраснела до корней волос. Казалось, время замерло, зависло над столом. Наконец Мод увидела содержимое коробки и поняла, что это. Ахнув, она в ужасе воскликнула:

— Жаба!

Элспет и Виктория сделали вид, что удивлены, и осуждающе уставились на Китти. Гарри попытался скрыть улыбку — ему казалась

забавной озорная проделка младшей сестры. Мод, захлопнув коробку, нервно сглотнула, стараясь справиться с потрясением и взять себя в руки.

Берти вскочил. Он обогнул стол и схватил коробок.

— Что это значит? — гневно спросил он, сердито глядя на детей.

Глаза Китти стали наполняться слезами. Она знала, что ей попадет, потому что Виктория и Элспет с удовольствием выдадут ее. Девочка стиснула кулаки, представляя, как мисс Грив будет больно хлестать ее стеклом.

А потом Аделина рассмеялась. Легкий смех расколол пугающую тишину, заставив всех посмотреть на нее.

— Вот я растяпа! — воскликнула она. — Вероятно, О'Флинн решил, что коробка полная. Я сегодня утром нашла в саду очаровательного маленького лягушонка и подумала, что подержу его у себя некоторое время. Правда, он прелесть?

Мод смотрела на свою свекровь.

— Так это ваша лягушка? — спросила она в недоумении.

— Я сожалею, Мод, моя дорогая, если это напугало тебя. Отдай коробку мне, Берти. Я попрошу кого-нибудь из детей выпустить лягушонка в саду. — Аделина окинула взглядом стол, как будто решая, кому это поручить. Затем ее

светлые глаза остановились на Китти, которая смотрела на бабушку с любовью и благодарностью. — Китти, дорогая моя, ты же любишь животных? Почему бы тебе не найти хорошее влажное место для бедняги? Я и в самом деле не должна была держать его в коробке. Это ужасно некрасиво с моей стороны. Силия, не хочешь пойти с ней? Так, кто желает добавки десерта?

Глава 8

Нет ничего в мире лучше ирландского лета. Воздух влажный от дождя, напоен густым ароматом вереска и роз, наполнен криками морских птиц, которые кормятся щедрыми дарами моря и этой плодородной земли. Но когда светит солнце, становится удивительно тепло. Небо светлеет, ясное и чистое после дождя, тучи расходятся, открывая яркую бесконечную синеву. Солнце садится, даря небу ярко-розовый и малиновый тона, и в этот момент, когда умирающий день тает за горизонтом, превращая воду в расплавленное золото, можно легко поверить, что нет ничего более прекрасного ни на земле, ни на небесах.

Китти, Силия и Брайди стояли на самом верхнем этаже замка и смотрели из окна на море. Восхитительное зрелище лишило их дара речи. Их

нежные сердца тронуло неземное величие открывающегося вида, ощущение чего-то непостижимо огромного, крошечными частицами которого они были. Брайди думала об отце, о том, что он сейчас где-то там, в этом волшебном свете. Ее сердце разрывалось от тоски по нему, но солнце садилось в океан, непостижимым образом постепенно наполняя душу покоем. Силия была слишком молода, чтобы понять, какой отклик в глубине ее души находит красота заката, однако ее очаровала дикая, таинственная природа Ирландии. Она вспомнила о Ведьмином Круге из рассказов Китти, и ей внезапно страстно захотелось навсегда покинуть Англию и жить здесь, в этом заколдованном месте. Китти, чьи чувства были слишком обострены для столь юного возраста, переполняла любовь к дому. Она знала наверняка: что бы ни случилось с ней в будущем, куда бы ей ни пришлось уехать, замок Деверилл всегда будет в ее сердце — и никто и ничто не сможет отнять его у нее.

Солнце скрылось, и небо над морем стремительно потемнело. Было начало сентября, вечер летнего бала в замке Деверилл. К крыльцу, гремя по мощеной дорожке, подъезжали роскошные экипажи, запряженные прекрасными лошадьми, которыми управляли кучера в ливреях. По обе стороны от подъездного пути горели

факелы, освещая дорогу. Замок, исполненный величия символ английской власти, горделиво высился в свете полной луны, только-только взошедшей на небосклон. Девочки поспешили на другую сторону и встали над входной дверью, чтобы посмотреть на дам в бальных платьях и джентльменов во фраках, поднимавшихся по ступеням. Их радушно встречали хозяева, лорд с леди Деверилл.

Китти и Силия надели свои самые лучшие платья с широкими поясами на тонких талиях, а на изящные ножки обули лаковые туфельки. Гувернантки так рьяно и тщательно расчесали их волосы щетками, что пряди блестели, отливая медью и золотом. Брайди смотрела на них со смесью восхищения и зависти. Ей придется вернуться на кухню под лестницей и помочь матери. Конечно, Китти с Силией легко уговорили девочку пойти вместе с ними наверх, но мама будет беспокоиться, где она подевалась, и, если ее кто-нибудь поймает здесь, на хозяйской половине замка, у нее будут серьезные проблемы.

— Вы расскажете мне об этом утром? — спросила Брайди кузин.

— Мы бы хотели, чтобы ты могла шпионить вместе с нами, — искренне сказала Китти. — Правда, Силия?

— В самом деле, Брайди. Тебе, как Золушке,

приходится работать в подвале, когда ее сестрам дозволено поехать на бал.

— Если бы у меня была фея-крестная, та, что могла бы взмахнуть для меня своей волшебной палочкой, — с виноватой улыбкой ответила Брайди, пожимая плечами. — Но ее у меня нет.

— У тебя есть пара красивых туфель для танцев, — сказала Китти.

Щеки Брайди вспыхнули, когда она с острой болью вспомнила, как две девочки в школе насмеялись над ней. «А вот идет леди Деверилл», — сказала одна из них, и ее голос был полон презрения, а другая добавила с такой же насмешкой: «Нет, это всего лишь Брайди в пожертвованных ей туфлях, прямо как бродяжка!» С тех пор Брайди не носила свои туфельки, положила их назад в коробку, словно бесценное сокровище.

— Мне понадобится что-то большее, чем красивые туфли, Китти, — сказала она тихо.

Брайди поспешила в конец коридора и проскользнула в дверь, что вела в подвал по лестнице для слуг. Кухня напоминала муравейник. Горничные и лакеи приходили и уходили, а посреди комнаты, будто муравьиная королева, командовала всем миссис Дойл. Она выкрикивала приказы, добавляя финальные штрихи своим блюдам. Брат Брайди, Шон, на этот вечер вернулся в замок. Он

прошел по комнатам, проверил, растоплены ли камины, добавил в них торфа, где это было необходимо. Но Брайди была слишком мала, чтобы помогать на хозяйской половине замка. Она заняла свое место у раковины на кухне и принялась вытирать мокрые тарелки.

Китти и Силия с лестницы наблюдали за взрослыми, входившими в холл. Они присуждали очки за красивые платья и украшения и снимали их тем дамам, которые, по мнению девочек, не приложили достаточно усилий. Пары заходили одна за другой, приветствуя леди и лорда Деверилл, и шествовали дальше, вливаясь в растущую толпу гостей. Леди Роуэн-Хэмптон появилась под руку со своим дородным мужем сэром Рональдом, на ней было ослепительное платье из бледно-голубого шелка. Китти присудила ей десять баллов за ее наряд и еще десять — за бриллианты и сапфиры, сверкавшие на ее глубоком декольте. Грейс подняла глаза, чувствуя, что за ней наблюдают, и улыбнулась двум юным шпионкам, спрятавшимся за перилами на лестничной площадке в середине парадной лестницы.

— Нам лучше держать себя в узде сегодня, — сказала она мужу. — Посмотри на этих двух обезьянок.

Сэр Рональд поднял свои слезящиеся глаза на лестницу и помахал Китти рукой.

— Моя дорогая, я всегда держу себя в узде. Это *ты* обычно забываешь об осторожности. Возможно, сегодня вечером ты будешь более сдержанна и не поставишь меня в неловкое положение.

— Смотри, и эти забавные сестры Аделины, «кустики», тоже здесь. Пойдем поздороваемся.

— Две еще более глупые женщины! — грубо ответил сэр Рональд. — Эти, как ты говоришь, «кустики» давно следует вырвать с корнем. Сама иди, пропалывай их. А я найду себе развлечение где-нибудь в другом месте.

И они разошлись, леди Роуэн-Хэмптон — в гостиную, сэр Рональд — в библиотеку, где у камина устроились Берти и кузен Дигби вместе со своими друзьями по скачкам. Они курили сигары и попивали виски.

— Прекрасный бал. Не правда ли, Грейс? — сказала Лорел, когда леди Роуэн-Хэмптон присоединилась к ним.

— Замок выглядит красиво со всеми этими свечами, — ответила Грейс.

— Прелестно, просто прелестно, — с энтузиазмом подхватила Хейзел.

— А вы видели бальную залу? Чтобы избавиться от сырости, они три дня жгли огонь в камине, — сказала Лорел.

— О'Флинну и целой армии слуг

потребовалось три недели, чтобы снять все люстры и подсвечники и натереть их. Представляете все эти свечи? Но эффект просто волшебный.

— Тогда я буду танцевать до рассвета, — радостно сказала Грейс. — Ах, моя дорогая Мод, ты прекрасно выглядишь, — восторженно заметила она, когда Мод, проскользнув в толпе, присоединилась к ним. Грейс поцеловала ее в щеку. — Боже, ты такая холодная! Ты должна пойти и стать поближе к камину.

— Да, действительно, иди, Мод, — согласилась Хейзел.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Лорел, ее круглое лицо блестело от пота. — Для меня здесь слишком жарко. Я просто сейчас растаю.

— Я прекрасно себя чувствую, — ответила Мод.

— А где девочки? — поинтересовалась Хейзел. — Мы не видели Викторину с тех пор, как она уехала в Лондон, но слышали, что малышка произвела фурор. Несомненно, очень скоро мы будем праздновать ее свадьбу.

— О, я люблю свадьбы! — радостно воскликнула Лорел. — Мне кажется, она завоюет сердце английского аристократа.

Мод мелодраматично вздохнула.

— И уедет из Ирландии, как они все делают.

А я останусь здесь совсем одна, вот увидите.

— Она может выйти замуж за ирландца, — с оптимизмом сказала Грейс. — Кто знает? Сегодня тут столько красавчиков!

— Но они бедные, — заметила Мод, пробежав взглядом по зале.

Она обратила внимание на братьев де Курси — оба высокородные, привлекательные, но им не хватало одной важной детали, дававшей возможность жениться на таких девушках, как Виктория и Элспет: денег.

— Том и Уильям де Курси, — сказала Грейс, проследив за взглядом Мод. — Самые выдающиеся охотники Ирландии, с собственным замком в придачу.

— Однако очень мало земли, — пренебрежительно добавила Мод. — И денег не хватит для следующих поколений. Том унаследует замок Данэши, Уильям уедет в Америку или Австралию. Между тем детям Тома останутся сущие крохи, когда у того закончатся средства, — а они наверняка иссякнут. Нет, я бы предпочла для своих дочерей богатых англичан.

— Но ты сама вышла замуж за ирландца, — негромко возразила Грейс. — И вполне удачно.

— Мы последнее поколение, наслаждающееся всем *этим*, — Мод обвела рукой залу. — Гарри однажды будет лордом Девериллом, но наши земли

сокращаются. Арендаторы, которые у нас остались, платят ренту нерегулярно, а Губерт слишком снисходителен к ним, они держат его за дурака. Это только вопрос времени, прежде чем они все взбунтуются...

Грейс рассмеялась.

— О, они слишком ленивы для этого!

— Берти будет столь же некомпетентен, как и его отец. Он больше интересуется охотой и рыбалкой, чем проверкой счетов. Он думает, что там, где радуга упирается в землю, закопан бездонный горшочек золота и что солнце светит вечно. Он собирается купить нового гунтера¹². Но ради всего святого! У него уже есть десяток лошадей! А Гарри не получит денег на жизнь, я же буду сидеть на потертом диване и повторять: «А ведь я тебе говорила!» Но тогда уже будет слишком поздно. Да, я надеюсь, мои дочери выйдут замуж за англичан, потому что для них здесь ничего не останется.

Лорел и Хейзел, обычно очень оживленные и веселые, смотрели на Мод в замешательстве. Никто из них не знал, что сказать или как понимать такую

¹² Гунтер — порода верховых лошадей, разводимая в Англии, а также Ирландии для спортивной охоты и скачек с препятствиями; лошадь такой породы.

вспышку горечи.

— Да, это не очень весело, — сказала Грейс, пытаясь сгладить впечатление от мрачного монолога Мод. — Надеюсь, мои дочери выйдут замуж за ирландцев, потому что Ирландия — самое красивое место на земле. Я бы не покинула ее ни за какие деньги мира.

«Кустики» снова улыбнулись.

— И мы тоже, — хором подтвердили они.

— Ну, Мод, идем поговорим с Родди Фитцджеральдом. Я слышала, он приехал на лето и остановился у Клэрмонтов. Он такой очаровательный человек!

Грейс и Мод исчезли в толпе.

— Что это было? — спросила Лорел.

— Она очень недовольна, — ответила Хейзел.

— Да эта женщина родилась недовольной, — сказала Лорел. — Я всегда полагала, что она слишком холодна.

— Именно так. Очень холодна, — вздохнула Хейзел. — Бедный Бerti. Надеюсь, он находит утешение где-то в другом месте.

— Моя дорогая, в этом-то и проблема. Если бы он находил утешение дома, его жена не имела бы никаких оснований для такой горечи.

Китти и Силия развлекались, переходя из зала в зал. Взрослые, знавшие девочек, обращали на них внимание, беседовали с ними, а незнакомые

находили их очаровательными, словно те напоминали им нарядных кукол, и тоже заговаривали с кузинами. Ужин подали в длинной галерее наверху. Там, среди больших картин в позолоченных рамках с изображением предков хозяев замка, начиная с Бартона Деверилла, первого лорда Деверилла в Баллинакилле, был накрыт стол на двести гостей. Детей снова усадили вместе, в самом конце стола, потому что Аделина не разделяла того мнения, будто детей стоит держать подальше, вне поля зрения взрослых. Виктория сидела между двумя юношами ее возраста, которых она знала с детства. Молодые люди тщетно старались поддерживать разговор с девушкой, потерявшей интерес к Ирландии со всеми ее достопримечательностями и нацелившейся на величественные дома и замки Англии. Ее кузины Вивьен и Леона с удовольствием принимали попытки лихих братьев де Курси развлекать их рассказами об охоте и даже согласились покататься с ними верхом на следующее утро. Элспет всегда находила Питера МакКартейна невероятно привлекательным. Он был прекрасным теннисистом и мастерски скакал верхом, но ее мать сказала ей, что она ни за что не даст согласия на брак с ирландцем, если только он не будет маркизом Уотерфордом. Джордж и Гарри нашли друзей из Итона, которые также вернулись

в Ирландию на каникулы; они провели бóльшую часть ужина за обсуждением крикета.

Ужин был долгим, и к концу неутомная молодежь уже не находила себе места. Свечи сгорели до основания, и тарелки уже унесли. О'Флинн явно прикладывался к бутылке, потому что ходил вокруг стола, как моряк по палубе во время шторма. Наконец из бальной залы внизу донеслись звуки музыки, и взрослые один за другим потянулись вниз, как крысы из города Гамельна. Братья де Курси исчезли вместе с Вивьен и Леоной, и Элспет согласилась потанцевать с Питером МакКартейном. Но Виктория отвергла все приглашения с неприличным зевком. Китти и Силия поспешили вниз, чтобы понаблюдать за танцующими. Зал поражал великолепием, золотые огни сотен свечей отражались в зеркальных панелях на стенах. Хрустальные люстры сверкали, как будто их сделали не из стекла, а из бриллиантов кузена Дигби. Небольшой оркестр устроился на специальной платформе, и музыка плыла по залу в восхитительном ритме вальса. В центр стали выходить пары, они скользили по кругу в великолепном калейдоскопе цветов. Китти и Силия ошеломленно наблюдали за всем, страстно желая стать достаточно взрослыми, чтобы тоже кружить вот так в водовороте танца.

— Элспет ужасно неуклюжая, — со смехом

заметила Китти, глядя, как сестра неловко вальсирует со своим партнером.

— Вивьен ничуть не лучше, — добавила Силия.

— Но посмотри на «кустиков»! — воскликнула Китти, указывая на своих двоюродных бабушек, танцевавших с дядей Китти, Рупертом, и недовольным сэром Рональдом. — Они танцуют лучше всех!

Девочки достаточно долго наблюдали за танцующими. Китти заметила, как рука Питера МакКартейна скользнула вниз в опасной близости от попы Элспет. Она также видела, что некоторые взрослые нетвердо держались на ногах. Щеки женщин разругались от шампанского, а краснолицые мужчины попыхивали сигарами у камина, наполняя воздух сладковатым ароматом табака. Теперь никто не обращал внимания на девочек. Они могли бродить по залу, незамеченные, слушая обрывки разговоров и хихикая, когда удавалось уловить что-то непристойное.

Было далеко за полночь, когда Китти и Силия, утомившись подсматривать за взрослыми, решили побродить по коридорам наверху. Со свечами в руках они крались по комнатам, будто пара мышей. Вдруг Китти увидела чей-то неясный силуэт в конце коридора. Заинтересовавшись, она подошла ближе, ее кузина последовала за ней. Музыка

доносились все глуше, по мере того как они заходили все дальше вглубь замка. Каждый раз, когда Китти чувствовала, что они подбираются близко, фигура снова исчезала.

— Давай быстрее.

— К чему такая спешка? — заныла Силия.

Но когда Силию уже почти покинуло мужество, Китти остановилась. Призрак, которого она теперь отчетливо видела, был Эгертоном Девериллом, сыном Бартона. Из всех Девериллов, застрявших между тем и этим светом, Эгертон был наименее симпатичен Китти. От него исходила злая, угрожающая энергия. Стоя у комнаты, под дверью которой лужицей растекался неясный свет, он с хмурым видом уставился на девочку сердитыми темными глазами.

Силия положила ладонь на ее руку.

— Там кто-то есть.

Китти ухмыльнулась в ответ.

— Разве тебе не интересно? — спросила она.

— Я боюсь.

В этот миг из темноты появился призрак Бартона Деверилла. Китти затаила дыхание. Бартон начал убеждать в чем-то своего сына, но девочка не расслышала слов; она чувствовала только гнев в окружающем их пространстве. Китти поняла, что Бартон не хочет, чтобы она входила в комнату.